

РИНА ВЕРГИНА

БЫВШАЯ ЖЕНА СЛЕПОГО ДРАКОНА

Рина Вергина

Бывшая жена слепого дракона

«Литнет»

2026

Вергина Р.

Бывшая жена слепого дракона / Р. Вергина — «Литнет», 2026

Десять лет назад муж выгнал меня из дома и привел на мое место беременную любовницу. Я не сдалась и выжила. Родила сына, о котором бывший муж так и не узнал. И вот спустя десять лет, когда мне казалось, что я забыла его, в мой дом приносят раненого мужчину. Он слеп и никто не признает в нем высшего дракона и хозяина Элларии. Лишь я одна знаю, кто передо мной. И я единственная, кто может его спасти. В книге есть: ♥#Решительная героиня ♥#Встреча через время ♥#Общий ребенок ♥#Исцеление любовью ♥#Истинная пара Книга пишется в рамках литмоба «Чудотворная любовь»

© Вергина Р., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

1	5
2	7
Визуалы	9
3	15
4	18
5	22
6	25
7	28
8	30
9	35
10	37
11	40
12	43
13	46
14	49
15	51
16	53
17	57
18	60
19	64
20	66
21	68
22	70
23	72
24	74
25	76
26	78
27	80
28	82
29	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

1

— Хозяйка... там такое! Там... раненого привезли! Весь в кровище!

Марьяна влетела в хлев, как ураган. Глаза круглые, размером с плошку.

— Прекрати тараторить. Что случилось? — спросила, не переставая гладить раздувшиеся бока Звёздочки.

Коровушка жалобно замычала, переступила ногами и ткнулась влажным носом мне в ладонь. Малыш внутри неё ворочался, требуя выхода на свет.

— Там приехали двое. Один совсем плох! Гадать не нужно, к ночи заберёт его Светлоликий на небеса.

— Позови Борка. Пусть осмотрит. Да не стой ты столбом, беги уже! Как освобожусь — сразу приду.

Марьяна только шмыгнула носом и рванула с места так, что пятки засверкали.

Я выдохнула и вернулась к Звёздочке. Продолжала гладить короткую шёрстку, давая волнение внутри. Заставила себя вернуться к работе.

Вместе с помощницей пыхтели, приговаривали ласковые слова и, наконец, на свет шлёпнулся мокрый, дрожащий телок.

Я сняла запачканный фартук, бросила его на скамью у входа и, устало растирая поясницу, двинулась к дому. Водой из умывальника смыла кровь и слизь с рук, ополоснула лицо.

Возле крыльца стояли две чужие лошади. Холёные и породистые. Не чета нашим сельским клячам.

А у дверей, перекрывая проход, маячил мужик в форме. Довольно потрёпанный. Лицо в грязных разводах. Но при виде меня набычился и заорал:

— Где ваша хозяйка?! Моему спутнику нужна помощь. Немедленно!

— Не нужно кричать, — ответила тихо. — Я хозяйка. И насколько я знаю, помощь вашему спутнику уже оказывают.

Мужик вытаращился на меня. Окинул взглядом моё простое запачканное платье, потёртые башмаки.

— Хозяйка? — переспросил он с недоверчивым хмыком.

— Не нужно судить по внешнему виду, — отрезала я, шагнула мимо него и толкнула дверь.

В комнате стоял тяжёлый дух. Пахло кровью и гарью. Борк склонился над человеком, распластанным на широкой лавке у стены. На полу кровавой грудой валялась одежда. Сам незнакомец был раздет до пояса.

Я подошла ближе — и дыхание перехватило.

Грудь мужчины пересекали глубокие борозды. Словно зверь полоснул когтями, вспарывая кожу до кости. Лицо залито запёкшейся кровью. На глазах — грязная повязка из лоскута, оторванного от рубахи.

Я склонилась над мужчиной рядом с Борком.

— Что скажешь? — тихо спросила, вглядываясь в раны.

— Много крови потерял. Рану шить надо. А выживет ли — одному Светлоликому ведомо. Всё в его руках.

— Делай, что нужно, — кивнула.

Сама взяла широкую мужскую ладонь в руки. Тяжёлую, горячую, со сбитыми костяшками. Ладонь воина, привыкшая сжимать меч.

Я не была лекарем. Борк — тот да. Он и шить умел, и мази целебные готовил. А во мне лишь слабый дар теплился. Могла успокоить. Боль облегчить, притупить. Ну и по возможности помогала Борку.

Борк сноровисто обработал страшные раны на груди какой-то вонючей настойкой, взял кривую иглу с продетой льняной ниткой и принялся зашивать.

У мужчины вырвался глухой рык из-под сомкнутых потрескавшихся губ. Я сильнее сжала его горячую ладонь, вливая в него частичку своего дара. Большая часть ушла на Звёздочку, помогая ей разродиться. Но даже этой капли хватило, чтобы мужчина заметно обмяк и рык стих. Его пальцы едва заметно дрогнули. Сжались в ответ.

Борк закончил стягивать раны. Перевёл дух. Повернул голову раненого к свету, оглядывая страшные ожоги на лице.

— Драконий огонь, — глухо произнёс он. — Это точно он. И раны на груди — от когтей. Какому высшему он дорогу перешёл? Чудо, что вообще живой остался.

Покачал головой, поцокал языком.

— Схожу за мазью от ожогов. Хотя... поможет ли от драконьего пламени? Не ведаю.

Борк вышел, тяжело топая сапогами. Я осталась одна с раненым.

Взяла чистую тряпицу, смочила в теплой воде из кувшина и осторожно принялась стирать кровавые потёки с его лица. С колючих, заросших щетиной щёк. С обожжённых скул. Со лба.

Осторожно, чтобы не потревожить раны, стянула с глаз мешавшую повязку. Под ней оказались закрытые веки. Ресниц почти не было — обгорели. И брови опалило жаром.

Я смывала кровь, и постепенно из-под багровых потёков проступали черты. Высокие скулы. Жёсткая линия челюсти. Нос с горбинкой.

И шрам.

Небольшой кривой шрам, тянущийся от середины правой брови к самому уголку глаза.

Рука с тряпкой замерла на полпути. Внутри что-то оборвалось. Кольнуло острой, ледяной иглой под сердцем.

Я помнила этот шрам. Помнила, как с нежностью касалась его губами после страстных ночей.

Этого просто не могло быть. Бред. Насмешка Светоликого.

Передо мной лежал мой бывший муж. Высший дракон Элларии. Хозяин Южного Пика и входящих в него земель.

И тот, кто десять лет назад выгнал меня из собственного дома, заменив беременной любовницей.

2

— Как ваше имя? — спросила у незваного гостя, что продолжал топтаться возле дверей горницы.

— Маркус, хозяйка, — ответил он более почтительно. — Что с моим... э... другом?

Хм. Не хочет раскрывать, кого я приютила? Что ж. Я настаивать не буду. Хотя забавно, когда простой страж называет высшего дракона другом. Вот только в этой ситуации ничего смешного я не видела. По крайней мере для меня и людей, за которых отвечаю.

— Утро покажет, — равнодушно пожала я плечами. Покопалась в себе — пусто. Этот человек давно стал для меня чужим. Но появление его в моём доме грозит неприятностями. Этот страж явно что-то недоговаривает. Не может хозяин Южного Пика разъезжать по дорогам как простой путник.

Но я не хочу во всё это вмешиваться. Не хочу вникать. Я хозяйка небольшого селения на окраине королевства. Мы слишком далеко от интриг двора. Нас тут с дюжину дворов. В основном старики, женщины и дети. Мужчин совсем мало осталось. Нам неприятности совсем ни к чему.

— Вы ранены? — спрашиваю.

Маркус зажимает ладонью правое плечо. А когда отнимает руку, ладонь алая от крови.

— Царапина, — бросил сквозь зубы.

— Подойдите к Борку. Он перевяжет. Я распоряжусь поставить вам спальное место рядом с... другом. Но у меня условие — через день вы должны уйти. Я не хочу знать, что с вами случилось. Правду вы всё равно не скажете, а ложь я слышать не желаю.

Маркус сжал челюсть. Рассчитывал на большую милость?

— Нам неприятности ни к чему, — добавила, многозначительно глядя в глаза.

— Вы не думайте. Мы не разбойники какие.

— С разбойниками у нас разговор короткий, — я выразительно положила руку на рукоятку кинжала, притороченного к поясу.

Оружие носила всегда с собой, после того как на приграничных землях участились нападения Архов. Война уже пару месяцев считалась законченной, но с соседями мы мирно жить так и не научились. Они частенько совершали короткие вылазки, грабя приграничные селения.

— Отдыхайте. Я распоряжусь, чтобы принесли поесть.

Дом гудел как разворошенный улей. Всех взволновало появление непрошенных гостей. Все гадали, кто напал на путников. Грешили на Архов.

Вот только Архи были людьми. Как и все в округе. А раны оставил дракон. Точно такой, как мужчина, лежащий в моей горнице.

Заставила себя заняться делами. Перебрала запасы в кладовой. Скоро ярмарка в соседнем городишке. Нужно продуктов закупить. Муки хватит ещё на месяц, крупа на исходе. Соль почти вышла, а без соли какой суп? Шерсти и пряжи для вязания.

За суетой почти забылась и совсем не думала про гостей. Если делать вид, что прошлое не существует, оно и правда будто отступает. Только стоило остановиться — и под грудью начинало неприятно ныть.

Безвольно опустила руки. Как не хочется перед собой храбриться, а всё же остро колет внутри. Вспоминается всё то, что загнала в самые укромные уголки памяти. Замуровала, а ключик выбросила. А оно рвётся наружу.

Тряхнула головой, прогоняя наваждение. Хватит. Было и прошло. Так я решила десять лет назад.

Вышла на порог — и сердце ёкнуло. За окном уже темнело, а Дерика всё не было.

Сжала пальцы в кулаки, гася беспокойство. В конце концов, он не один ушёл, а с Кейном. Наверняка развели костёр у реки и жарят на прутиках рыбу. А Дерик в ус не дует, что мать беспокоится.

Дерику десятый год. Взрослый парень. Да и выглядит старше своих лет. Никогда не пыталась стать наседкой. В этих суровых краях домашним мальчикам не выжить, если всю жизнь прятаться за окном горницы.

А мне хотелось, чтобы мой сын вырос храбрым и смелым. Как его...

— Мама!

Дерик выпорхнул из полумрака. Вихрастый, долговязый, с разбитой коленкой и ведёрком рыбы в руке. Волосы вечно торчат в разные стороны, как у воробья после драки. Следом за ним Кейн и ещё пара мальчишек.

Я не удержалась. Обняла, прижимая к себе колючую, пахнущую рекой и костром макушку.

— Ну ты чего? — по-взрослому пробасил он, барахтаясь в моих объятьях. — Что парни скажут.

— Ничего не скажут. Нет ничего зазорного в том, чтобы показать свои чувства. А я соскучилась, — чуть склонила голову, заглядывая в его глаза. Ещё немного — и мы будем одного роста.

Следом за Кейном и Дериком вошла в дом. Заставила как следует помыть руки и лицо. И лишь после этого — за стол.

— Никак у нас гости? — прищурившись, спросил Кейн. Племянник совсем большой стал. Ещё год — и я уступлю ему место хозяина.

— Путники. Раненые, — ответила ровно.

Дерик поднял на меня взгляд. Упрямый. Тёмный. С прищуром. Как у его отца.

— А кони у них боевые, — в голосе разлились восторженные нотки. — Мы в конюшню заглядывали. Сбруя добротная. Они же дракону служат? Я видел герб на сёдлах. Мам, я хотел бы...

— Нет, — сказала жестко. — Даже не думай заглядывать к нему в комнату.

Визуалы

Летиция

Брайн (бывший муж)

Дерик (сын)

3

— *Летти, ты должна уехать. Я дам тебе день собрать вещи.*

— *Что? — я резко села в постели, прижимая к обнажённой груди одеяло. Непонимающе смотрела на широкую спину мужа. На плече алела свежая полоска шрама. У него их достаточно прибавилось за те полгода, что мы не виделись.*

— *Это шутка, Брайн?*

Голос дрожит. Не понимаю, мне нужно засмеяться или заплакать. Я совсем не тех слов ждала после страстной ночи, что он мне подарил.

Брайн оглянулся. Его тёмные глаза жестко смотрели из-за плеча. Так, что не оставалось сомнений в серьёзности его слов.

— *Уехать... на время?*

Я приподнялась на колени. Протянула руки и коснулась горячей кожи плеч. Под ладонями мышцы напряглись. Налились каменной тяжестью.

— *Навсегда, — холодно бросил Брайн, не реагируя на мои прикосновения.*

Руки безвольно упали вдоль тела. В горле встал ком. И в голове лишь один вопрос:

— *Почему?*

— *Я встретил женщину. Она завтра приедет в мой дом. Я при всех объявлю её своей женой.*

— *Почему? — продолжала я задавать один и тот же вопрос. Хотя в голове их были сотни.*

Брайн поднялся с постели. Я видела каждую мышцу на его идеально вылепленном теле.

— *Она ждёт от меня ребенка, — коротко бросил Брайн. Подхватил с кресла штаны и рубашу. Вышел из комнаты.*

Я осела на постель. Из горла вырвался крик. Глухой и звериный. Слёзы, словно калёное железо, обожгли глаза...

— *Хозяйка. Хозяйка, проснитесь...*

Я резко села на постели. Рядом со мной Марьяна испуганно таращила глаза.

— *Что случилось? — хрипло спросила.*

— *Вы так кричали во сне...*

— *Да? Дурной сон... должно быть. Иди, не беспокойся.*

Я легла. Провела ладонью по щеке. Мокрая.

Столько лет прошло. Думала — забылось. Ан нет.

Чертов Брайн! И зачем ты снова появился в моей жизни?

Я покрутилась в постели и, поняв, что больше не засну, оделась и вышла из дома. На горизонте появилась светлая полоса рассвета. Захватила лампу и прошла в хлев проверить Звёздочку. Та довольно боднула мою руку. Рядом жался к её боку телёнок — смешной, длинноногий, с рыжей шелковистой шёрсткой.

— *Привет, малыш, — я улыбнулась и погладила его, — пожалуй, назову тебя Солнышко.*

Вскоре появился пастух, и небольшое стадо отправилось на выпас. Я проводила их и затворила ворота. Только решила вернуться в дом, как из дверей вышел Маркус.

— *Госпожа, — позвал он. Сделал несколько шагов навстречу.*

— *Вы что-то хотели?*

— *Моему... другу совсем худо. Не могли бы вы лекаря позвать?*

Я вздохнула. Послала Марьяну за Борком, велела заварить трав от лихорадки. Самой идти к Брайну не желала. Я и так для него делала всё, что могла. Но быть рядом, прикасаться, вспоминать... нет. Не хочу.

Да только не вышло. Борка не оказалось дома. На рассвете его позвали на мельницу — один из работников сломал ногу. Маркус стоял у дверей в дом и каждый раз смотрел в мою сторону умоляющим взглядом, стоило высунуть нос на улицу.

— Пожалуй, приберёт бедолагу Светлоликий, — проговорила Марьяна, вернувшись из его комнаты.

Пфф. Он же дракон. На нём, как на собаке, всё заживает. Подумаешь, несколько царапин.

— Ладно. Посмотрю, что с ним, — выдохнула сквозь зубы.

Брайн лежал, разметавшись на лавке, насколько позволяло узкое пространство. Одна рука свесилась. Лицо в бисеринках пота, губы потрескались, обожжённые брови — жалкий, беспомощный. Не похож на того гордого дракона, что вышвырнул меня когда-то.

Села рядом, стараясь не смотреть на лицо. Взяла за руку. Горячая. Мужчина скрипнул зубами, давя стон.

— Как же тебя так угораздило? — тихо спросила.

Сжала его руку, проталкивая частички дара. Чувствовала, как он растекается по его телу. Дыхание выравнилось, и Брайн замер, распластавшись во весь рост.

Вот так лучше. Что бы там в прошлом между нами ни случилось, смерти я своему бывшему мужу не желала. Я приобрела больше, чем потеряла. У меня есть Дерик. А больше нам никто не нужен.

Дверь притворилась. Сын заглянул в комнату. Я укоризненно взглянула на него.

— Ты чего здесь?

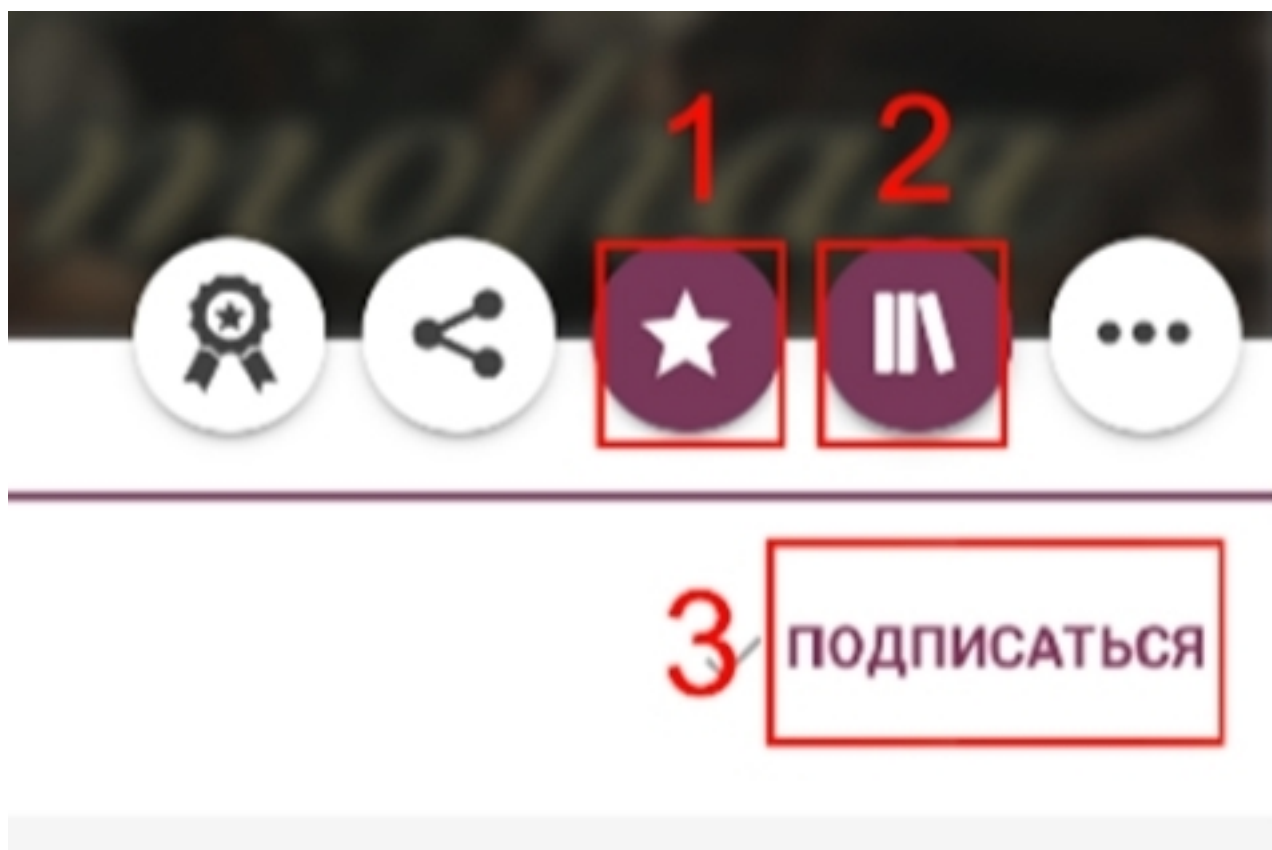
— Извини, — пробормотал он, опуская глаза. — Просто я хотел помочь. Смотри, что я принёс.

Дерик подошёл и раскрыл ладонь.

Дорогие читатели!

Рада приветствовать вас в своей новинке!

Мне очень важна ваша поддержка. Если вам нравится история, поддержите ее звездочкой. Добавьте в библиотеку, чтобы не потеряться.

4

Звуки раздавались глухо, словно сквозь толщу воды. Мне все казалось, что я плыву по волнам, постоянно уходя с головой в бездну. И что-то теплое, словно луч солнца, постоянно выдергивало наружу, позволяя набрать полную грудь воздуха.

— Я сам сделал... — проник в мое сознание звонкий мальчишеский голос.

— Дерик, я тебя просила...

— Ну мам, ты сама говорила, что никогда нельзя бросать тех, кто слаб и болен. Что плохого в моей помощи?

— А еще тебе было любопытно взглянуть...

Мне тоже любопытно. Я вынырнул достаточно, чтобы почувствовать под ногами твердую землю. И теперь мне нужно знать, где, тьма возьми, я нахожусь?

Разом накрыло воспоминание. Наш отряд ударили в спину. Среди деревьев мелькнули багровые плащи воинов Архов. Завязался бой. Перевес был на нашей стороне, пока в сражение не вступил человек в черном плаще.

Дракон внутри напрягся, почувствовав равного соперника. Хотя нет — он был явно сильнее. Моя драконья ипостась давно сложила крылья, свернувшись клубочком в груди, словно в уютном гнездышке. А тот не стал медлить. Ему хватило полоборота, чтобы когти вонзились в мою грудь, добираясь до сердца. Последнее, что я увидел — звериные глаза в темноте капюшона и разинутую пасть, извергающую пламя мне в лицо.

Но прежде и я успел его достать. Полоснул мечом наугад.

Странно, что не добили. Решили, что я уже падаю? Или не захотели марать руки? Шансов выжить у меня было немного.

Вынырнул из тумана, ощущая прикосновение ладони к своей груди. Тут же перехватил руку. Тонкие пальцы под моей ладонью дрогнули.

— Где я? — прозвучало хрипло. Так, что я не узнал собственный голос.

— Очнулись? Превосходно. Вы в селении Огневка, если вам что-то говорит это название. В доме хозяина, — произнес глубокий женский голос. Приятный, с разливающимся теплом в каждой ноте.

— Нет. Не слышал. Что со мной?

Я все силился хоть что-то разглядеть сквозь окружающую тьму. Коснулся рукой лица. Рывком сорвал повязку.

— Что вы делаете?!

— Что с моими глазами?

Провел ладонью по лицу — кожа горела от прикосновения. В глаза словно песка насыпали. Веки не разлепить.

— Не трогайте! Вас обожгло огнем.

Яркая вспышка вновь пронеслась перед глазами. Хотя и была в моей голове.

Неужели ослеп? Лучше бы я там подох, честное слово.

— Кто меня привез?

— Маркус. Он назвался вашим другом.

— И... все?

— Да.

Нас было двадцать человек. Значит, больше никто не выжил. Я скрипнул зубами. От беспомощности все переворачивалось внутри.

— Позови его.

— Хорошо.

Послышался легкий вздох. Женщина поднялась — судя по шелесту платья. Ярko почувствовался исходящий от нее аромат полевых цветов. Такой домашний. Успокаивающий.

Тихие шаги. Скрип двери. Я прислушивался к каждому звуку, из которых теперь состояла моя жизнь.

Скрип половицы.

— Кто здесь? — спросил я.

— Дерик, — послышался мальчишеский голос. — Я вам оберег сделал.

Оберег. Я хмыкнул. Меня сейчас никаким оберегом не спасешь.

— Что там у тебя?

— Вот.

В мою ладонь лег кулон из дерева. Я провел пальцем — руна «Жизнь».

— Ты маг?

— Нет.

— Не ври.

В мальчишке чувствовалось что-то. Сила. Пока спящая. Но что-то во мне откликнулось на нее.

— Дерик! — позвал женский голос.

Скрип половиц — и парнишка сбежал, как пугливый заяц. Но его место занял другой человек.

— Маркус, — вдохнул я знакомый запах, отдающий дымом и кожей.

— Я рад, что вы очнулись, господин.

— Какой в этом толк? — вырвалось горько. — Я слеп как крот и слаб как котенок. Тебе нужно было оставить меня там, Маркус.

— Не говорите так, господин. Вы нужны Южному Пику. На кого оставите леди Каталину и малолетнего сына?

Из горла вырвался смешок.

— Леди Каталина ждет мужа-победителя, а не беспомощного калеку.

— Уверен, она любит и ждет вас, господин. Любого. И сила ее истинной любви излечит любые раны.

Сила истинной любви...

Хотел бы я сказать, что думаю об этом. Вот только Маркус не поймет. Для всех это священный союз. А для меня — ярмо на шее.

А ведь сам просил. Вымолил у Светлоликого. Жертву принес такую, что врагу не пожелаешь.

Но сейчас меня волновало другое. Больше тьмы, что была в моих глазах.

— Слушай внимательно, Маркус, — произнес, сжав его руку. — Ты должен кое-что сделать для меня. Это очень важно...

Книга участвует в лит.мобе

«Чудотворная любовь», 18+

https://litnet.com/shrt/l_Rp

Литмоб "Чудотворная .

Его наказало
и он больше не
людям
Но любовь с
исцелить люб

5

— Хозяйка. Там этот... раненый, вас требует.

Марьяна заглянула в комнату, которую я устроила под кабинет. В самой дальней части дома. Здесь было достаточно тихо, чтобы сосредоточиться над приходными книгами.

— Что ему нужно? — спросила, не отрываясь от записей.

— Не знаю. Спросить боязно.

Я шумно выдохнула, отложила перо. Брайн в его положении должен понимать: люди не обязаны бежать по первому требованию. Вода есть, еда есть, Борк перевязал. Остальное подождет.

— Передай: буду, как закончу дела.

Пересчитала страницу. Выручка от рыбы, что возили на продажу в город, вышла неплохая. Теперь на ярмарке можно не считать каждую монету.

Закрыла книгу и чуть помедлила, прежде чем подняться. Нужно старательно делать вид, что я его не узнала. Что мы чужие. Что не было пяти лет, когда я звалась его женой.

Кажется, что просто.

Но на самом деле — безумно сложно.

Брайн сидел на лавке, спустив ноги на пол. В чистой льняной рубаше и штанах. На шее — оберег, что Дерик вырезал. И за него в первую очередь цепляется взгляд. За тонкий кожаный шнурок с кругляшом амулета на смуглой мощной шее.

Брайн вскинул голову при моем приближении. По-звериному втянул носом воздух. Слегка оскалился, сверкнув зубами.

— Вы что-то хотели? — спросила холодно.

— Я чувствую, как вам не нравится наше присутствие, — он чуть дернул уголками губ. — Обещаю, мы скоро уйдем. Я вознагражу вас за гостеприимство.

— Ничего не нужно. Единственное, чего я хочу — чтобы вы поскорее покинули мой дом.

— Понимаю. Потому и позвал. Хотел просить выделить провожатых. Пару крепких мужчин.

Короткий смешок вырвался из горла.

— Боюсь, с этим у нас проблемы. С войны многие не вернулись, включая моего брата. В селении старики, женщины и дети. Сожалею, но вам придется довольствоваться обществом вашего друга.

Его губы сжались. Желваки заходили под обгоревшей кожей.

— Тогда мне больше не о чем просить. Мы уедем завтра же...

— Хорошо... — я чуть помедлила, глядя на его бледное осунувшееся лицо. В низком вороте рубахи виднелись багровые пятна на полотне, которым была обвязана грудь. Раны еще не затянулись.

Но это не мое дело. Он крепкий мужчина. Уверена, скоро все пройдет.

— Распоряжусь приготовить еды в дорогу.

Вот и все. Прощай, Брайн. Не обессудь, но провожать я тебя не выйду.

Развернулась, чтобы уйти.

— Постойте.

Оглянулась через плечо.

— Как ваше имя? — спросил мягко.

— Зачем вам?

— Помолюсь за вашу доброту Светлоликому.

Брайн улыбнулся. Обаятельно. Совсем как в тот миг, когда мы в первый раз встретились. И от этого комом встало в горле.

— Лучше помолитесь, чтобы Архи больше не лезли на нашу землю.

— Мне кажется, мы встречались раньше...

Да чтоб тебя!

— Вы ошибаетесь. Я половину жизни провела здесь.

— И все же... не могу понять, — он снова втянул носом воздух. — Ваш запах... такой знакомый.

— Просто вы слишком много встречали на своем пути женщин, — ответила резко.

— Не настолько. — Он помолчал. — Ваш муж... он тоже погиб?

Лгать, не видя его глаз, оказалось легко.

Это я раньше таяла от одного его взгляда. Как же — он выбрал меня из сотен, назвал своей женой. Младшую дочь обедневшего землевладельца. Я думала, он и не заметит меня среди знатных красавиц, разодетых в нарядные одежды, ярких, как заморские птицы.

На мне тогда было простое светлое платье да пояс, что сама вышивала бисером. А Брайн ходил вдоль рядов с девушками, выставленными на показ, и ни на ком не задерживал взгляд.

Пока не остановился напротив меня.

Улыбнулся. Так, что ямочки на щеках появились. Безумно красивый. С темными волосами до плеч. С серыми, как грозовое небо, глазами.

Я лишь как дура пялилась в ответ и совсем забыла про все, чему учили. Что нужно скромно опустить голову и присесть. Ждать, пока высший не позволит выпрямиться.

Тряхнула головой, отгоняя воспоминания.

— Мой муж... — запнулась я.

Но в этот момент распахнулась дверь и в комнату влетел Кейн.

Дорогие читательницы!

От всего сердца поздравляю вас с весенним праздником!

Пусть в вашей жизни будет столько же волшебства, сколько в любимых фэнтези-историях, и любовь окружает вас! Желаю, чтобы каждый день дарил новые поводы для улыбки, а мечты превращались в реальность, словно по взмаху волшебной палочки.

С 8 марта!

6

— Тетушка, нам нужно срочно поговорить, — нетерпеливо выпалил Кейн.

— Что-то случилось? Давай выйдем.

— Нет! Здесь!

Кейн вспыхнул, взглянул на сидевшего на лавке Брайна. А тот весь напрягся, вытянулся, как натянутая тетива.

— Тобиас видел на дороге отряд. Они ищут двоих путников, один из которых серьезно ранен.

— Откуда он знает?

— Тобиас бегал в соседнее селение к родне. Тот отряд был там. Все перевернули вверх дном. И скорее всего на рассвете они будут здесь.

Я перевела взгляд на Брайна. Он словно окаменел. Губы сжал так, что побелели. Потом чуть кивнул.

— Мы сейчас уйдем.

— Да. Так будет лучше, — согласилась я.

Брайн оперся ладонями о лавку, вытолкнул тело вперед, вставая. И тут же пошатнулся. Колени подогнулись, и он рухнул обратно на лавку. Выругался сквозь зубы.

— Я сейчас, — проговорил хрипло, снова дернувшись.

Смотреть было больно. Ему бы отлежаться. Хотя бы ночь.

— Сделаем так, — выдохнула я. — Нужно увести коней. Пусть Маркус возьмет их и переправит к старому дубу. Тобиас покажет дорогу. А всем в селении скажем, что чужаки уехали. В какую сторону — не знаем. Ты понял, Кейн?

— Ты хочешь спрятать его? — Кейн кивнул в сторону Брайна. — Но это опасно. Мы даже не знаем, кто он такой!

— Кто бы то ни был, мы не вправе выдавать тех, кому оказали гостеприимство, — я покачала головой. — Поступим так: пусть наберется сил до рассвета. Утром я выведу его через тайный ход.

Кейн с сомнением посмотрел на меня, но все же согласился.

— Тобиас наденет плащ. На него подумают, что это он уходит, — он снова кивнул в сторону Брайна. — Тогда тебе придется позаботиться о нашем госте самой, тетюшка.

Я кивнула.

— Ты умный юноша, Кейн. Весь в отца.

Я дотронулась до его плеча. Хотелось по-матерински потрепать по голове, но он в последнее время не выносил ласки. Считал себя взрослым.

Кейн вышел.

Я взглянула на Брайна — он так и сидел, не шевелясь. Словно боялся, что любое движение выдаст его слабость.

— Спасибо, — тихо проговорил он. — Я не забуду.

— Кто эти люди? — спросила жестко. Хотелось знать, с кем придется иметь дело.

— Не знаю. Но кому-то я явно перешел дорогу. — Брайн криво усмехнулся.

— Надеюсь, у нас не будет из-за вас неприятностей, — бросила, глядя ему в лицо. Хотя могла бы и не смотреть — он все равно не видел.

Интересно, какой он меня представляет? Чувствует ли что-то знакомое? Или десять лет стерли всё? Я изменилась. Стала жестче. А раньше могла разреветься по любому поводу.

Я прошла в кладовую. Собрала припасы в мешок: хлеб, сыр, копченое мясо. До родового замка два дня пути. Им хватит.

Вышла во двор. Маркус уже седлал лошадь, рядом с ним хлопотал Тобиас в плаще Брайна. Капюшон надвинул глубоко на голову.

— Спасибо, хозяйка, — Маркус принял мешок.

— Утром ждите нас у старого дуба, — сказала тихо.

Он кивнул, помялся и добавил:

— Моего друга сильно ждут дома. Жена и сын. Я расскажу им о вашей доброте.

У меня внутри все сжалось.

Я еле удержала лицо.

— Не нужно, — ответила ровно.

А перед глазами уже стояло лицо Каталины.

Брайн так не хотел, чтобы мы встретились. Но она приехала раньше. Я едва успела собрать вещи.

Помню, как ее экипаж въехал в ворота замка. Встал рядом с моим, готовым увезти меня прочь. Слуги как раз закрепляли мой сундук. А я вышла за порог, готовая навсегда проститься с местом, что пять лет было мне домом.

Я сразу поняла — это она.

Застыла, забыв дышать, жадно вглядываясь в лицо женичины, выходящей из экипажа.

Каталина выпорхнула, опираясь на руку подоспевшего слуги. Прошла мимо меня, даже не повернув головы. Красивая. Темные волосы уложены в сложную прическу. Шелковое платье глубокого синего цвета под цвет глаз. Полные алые губы на округлом румянном лице.

Я слышала, как она сказала, войдя в дверь:

— Я соскучилась, любовь моя. Ты, верно, не ожидал меня увидеть раньше?

— Тебе покажут твои покои, Каталина, — раздался голос Брайна. — Я сейчас вернусь. Он все же вышел проводить меня. Посмотрел виновато и тяжело.

— Прости, Летти...

— Не называй меня так больше, — попросила я.

В глазах зашипало. Я его очень сильно любила. И это «прости» делало только больнее.

Подошла к экипажу, чувствуя его взгляд спиной. Не выдержала, обернулась.

За его плечом стояла Каталина. Ошпарила меня взглядом и сказала нарочито громко:

— Любимый, вели подать кислой воды. Твой сын требует.

И положила руку на живот.

Меня замутило.

Пять лет я мечтала подарить Брайну сына. Пять лет — и ничего.

Я так долго пыталась их ненавидеть. Брайна — за предательство. Каталину — за то, что у нее получилось то, что не получалось у меня.

Ненавидела даже после того, как родился Дерик. Безумно хотелось, чтобы Брайн узнал. Увидел, какой сильный и красивый у него растет сын.

Но мысль, что он может забрать ребенка, пугала сильнее.

Пусть будут счастливы там, у себя. А мы уж здесь как-нибудь.

Я тряхнула головой, прогоняя прошлое.

Вернулась в дом. Дерика нигде не было видно, хотя на улице уже стемнело. Обошла все комнаты.

Осталась одна.

Та, в которую меньше всего хотелось заходить.

Дорогие читатели!

Приглашаю вас в увлекательную историю нашего литмоба

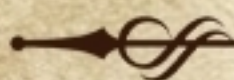
"Сиделка для наследника престола "

https://litnet.com/shrt/_Ngd

Хелен Гуд
Агния Сказ

"Сиделка для на престола

Сострадание и
исцелит то, ч
силах сделать
медицин

7

— Нет. Не так. Расслабь кисть. Смотри точно в цель. А теперь пробуй...

Счастливый возглас сына:

— Попал!

Я замерла за дверью, прислушиваясь.

Кому-то сегодня влетит за непослушание. Будет завтра в хлеву стойла выгребать.

Рванула дверь.

Брайн и Дерик сидели на лавке. У противоположной стены стоял стул, на него водрузили кругляш дерева. Из самого края торчал нож.

Прекрасно. Я обыскалась его по всему дому, а он развлекается — ножи в мишень кидает.

— Дерик! — строго позвала, нахмутив брови.

— Мама, смотри! — Дерик вскочил, сияя. — Еще немного — и я в центр попаду. А Брайн даже с завязанными глазами может! Брайн, покажешь маме?

Мужчина дернул уголками губ.

— Конечно.

Для моего сына он уже просто Брайн. Не прошло и часа, а они чуть ли не лучшие друзья. И меня это ужасно злит.

Если бы Дерик знал, кто перед ним... если бы знал, что этот человек когда-то вышвырнул меня за порог... он бы и близко не подошел.

Дерик подбежал, выдернул нож из кругляка и вернул Брайну.

— Не нужно, — пытаюсь остановить.

Поздно.

Один взмах кисти — и нож вонзился в самый центр мишени.

— Попал! — завопил Дерик.

Брайн лишь чуть пожал плечами. Мол, нет ничего особенного.

— Дерик. Пора спать, — сказала, старательно игнорируя его восторг.

— Мам, можно еще немного? Ну пожалуйста!

— Наш гость болен и устал. Ты мешаешь.

— Он совсем не мешает, — вступился Брайн. — Не могу столько лежать без дела. А ваш сын... он смысленный. Я рад, если смогу хоть чему-то его научить.

«Ваш сын».

Меня покорило от этих слов. Если бы он знал, чей это сын на самом деле.

— Не думаю, что ваша наука понадобится. Пусть лучше станет земледельцем, а не воином.

— Но даже земледелец должен уметь защищать себя. И свою семью.

Что б тебя, Брайн. Тут и возразить нечего.

Вот только это не умаляет того, что ты бросил меня на произвол судьбы. Хотя нет, экипаж доставил меня до обители. Это я сама предпочла сбежать, не войдя в ворота.

— Придет время, я сама его научу, — бросила с вызовом.

— Умеете управляться с ножом?

— Сомневаетесь?

— Выбор за вами, — Брайн хмыкнул и мотнул головой в сторону кругляша.

Я покосилась на рукоятку, торчащую в центре. Он провоцирует меня принять вызов. Еще и Дерик смотрит восторженно. Если мне кого-то и не хочется разочаровывать, так это сына.

— Что ж... хорошо.

Я выдернула нож из мишени. Рукоятка удобно легла в руку. И не нож — кинжал. Сталь идеально заточена. Наверняка он принадлежит Брайну.

Подошла к лавке. Подняла руку, целясь.

— Чуть мягче, — Брайн накрыл мою кисть и осторожно поправил пальцы на рукоятке. Я замерла. Всего на миг. Но этого хватило, чтобы сердце пропустило удар.

— Давайте, — шепнул он. — У вас получится.

Бросок.

Кинжал вошел в цель. В самый центр.

— В яблочко! — закричал Дерик.

— Из вас выйдет отличный воин, — тихо сказал Брайн.

Я повернулась к нему. Лицо, наверное, рассерженное. Хотя злюсь я больше на себя. На то, что до сих пор реагирую на его присутствие.

Он словно почувствовал мой взгляд — повернулся в ответ. Мягкая улыбка на его губах дрогнула и погасла.

— Вам не о чем волноваться. Завтра я уйду, и вы меня больше никогда не увидите.

— Надеюсь, — шепнула почти беззвучно.

Но он, кажется, услышал.

Я взяла Дерика за руку и вывела из комнаты. Он подчинился с явной неохотой, то и дело оглядываясь на Брайна.

В коридоре, когда мы уже подходили к его спальне, Дерик вдруг спросил:

— Жаль, что он не может остаться. Правда?

— У него есть своя семья. Где его ждут, — я остановилась, присела перед сыном, положила руки ему на плечи. — Тебе лучше забыть его, Дерик.

Он упрямо дернул подбородком.

— Почему у меня нет такого отца?

Слова застряли в горле.

Мы никогда с Дерексом не обсуждали его отца. Я лишь рассказывала, что он погиб до его рождения.

А что я еще могла сказать? Этот ответ Дерика всегда устраивал. Он не задавал лишних вопросов.

До сегодняшнего дня.

Я смотрела в его глаза. В серые как грозовое небо. В точности такие, как у его отца. И молчала.

— Расскажи мне про моего отца, — потребовал сын.

8

Сын смотрел на меня упрямо, а я думала о том, как он вырос за это лето. Ему скоро десять. В десять лет мальчики с драконьей кровью проходят ритуал принятия в род своего отца. На священном камне смешивается кровь отца и сына и это помогает разбудить дракона.

Только Дерик не знает, что его отец — дракон. И что без этого ритуала его сила может так и остаться спящей.

— Поговорим об этом в другой раз, — сказала Дерику. — Сейчас слишком поздно...

— Ты всегда так говоришь.

— Разве?

— Ты никогда не рассказывала мне про него. У тебя всегда нет на это времени.

Его губы обиженно дрогнули, превращая его в обычного девятилетку, которому нужна мать.

— Обещаю. Я расскажу... завтра.

Завтра — вполне подходящее время. После того, как Брайн уйдет.

Я уложила сына, поправила одеяло, поцеловала в макушку. Долго сидела рядом, глядя на его спящее лицо. И видела лицо Брайна.

Это так невыносимо терзало сердце. Знать, что его отец рядом и молчать. Лгать, глядя в лицо. Я чувствовала себя чудовищно, словно виновата в чем-то перед сыном. И от этого еще больше желала, что Брайн скорее покинул наш дом.

Когда небо за окном начало сереть, я встала. Марьяну я ещё вечером отослала под благовидным предлогом. Нечего ей тут лишнее видеть.

Зашла на кухню. Налила в кружку тёплого молока, прихватила миску с пирожками и пошла к Брайну.

Он сидел уже полностью одетый. Поднял голову в тот же миг, как я открыла дверь.

Будто ждал.

— Пора? — тихо спросил.

— Еще есть время. Сначала позавтракайте. Как вы?

— Справляюсь.

Конечно. Он всегда «справится». Даже слепой.

— Не сомневаюсь, — вышло всё же немного с сарказмом. — Но всё же... дайте руку.

Я поставила завтрак на низкий столик у лавки. Села чуть поодаль. Брайн протянул ладонь, и я обхватила её пальцами.

Решила поделиться с ним даром. Я зла не держала. Его сын ждёт дома. Тот, о котором он знает. Я хотела, чтобы он вернулся к нему. Дети ни в чём не виноваты.

Брайн шумно вдохнул, когда тепло растеклось по его телу, снимая боль и придавая сил.

— Я не забуду вашу доброту, — произнёс он, отпуская мою руку.

— Я делаю это не для вас. Ваш друг говорил, что у вас есть сын. Хочу, чтобы вы к нему вернулись.

Брайн вдруг улыбнулся. Тепло и открыто. И я сразу поняла - он любит того мальчика. Своего сына.

Молча я подала ему кружку с молоком и пирог. Отвернулась, невидящим взглядом глядя в окно, за которым занимался рассвет.

Дверь распахнулась без стука.

— Тетушка! — запыхавшийся Кейн влетел в комнату. — Отряд приближается к селению. Нужно уводить его отсюда.

Голос у него дрогнул, хотя он очень хотел казаться уверенным.

— Выйдешь к ним как будущий глава рода. Если нужно, пусть проверяют. Нам скрывать нечего. Про меня скажешь, что ушла до рассвета за травами. Это никого не удивит.

Я всё же потрепала Кейна по макушке. Он дёрнулся, но стерпел.

— Всё будет хорошо. Я скоро вернусь.

Он неуверенно кивнул.

Брайн поднялся, опираясь о стену. Сделал шаг. Протянул руку, ощупывая пространство, как делают слепцы. Ещё один неуверенный шаг вперед.

Сердце замерло. Я никогда не видела его таким. Беспомощным. Но он старательно делал вид, что это не так.

Что же с тобой произошло, Брайн?

— Я готов, — хрипло проговорил он, безошибочно делая ещё один шаг ко мне.

Я протянула руку. Позволила его пальцам вцепиться в локоть.

— Здесь недалеко. Нужно спуститься в подпол. Там тайный ход в лес.

Мы вышли в коридор, потом на кухню. В самом углу в полу крышка с металлическим кольцом.

Я потянула. Крышка поднялась, открывая узкий лаз.

— Осторожно, там ступени...

— Я справлюсь, — повторил он как заведённый и, нащупав ногой первую ступеньку, начал спускаться.

Я шагнула следом, прикрыв люк над головой. Темнота стала крошечной — только слабый свет свечи в моей руке выхватывал бревенчатые стены.

Внизу был небольшой погребок с бочками и мешками. А в дальнем углу — низкая дверца, обитая почерневшим железом. Я подошла, дёрнула засов.

— Там выход? — спросил Брайн, услышав, как я лязгнула затвором.

— Старый лаз. Его прорыли, чтобы в случае набегов уходить в лес. — Я дёрнула дверцу, та со скрипом отворилась. — Дальше туннель. Выведет к оврагу.

— А вы?

— Вернусь потом как наберу целебные травы. Мне и правда нужно собрать.

Сверху донеслись шаги. Кто-то откинул крышку подпола и стал спускаться по лестнице. Из темноты вынырнула маленькая фигурка.

— Мам!

— Дерик?! Ты что здесь делаешь?!

— Брайн кинжал забыл. — Он протянул оружие. — И ещё... я тоже хочу с вами.

— Марш домой! — приказала я.

— Нет, — Дерик упёрся. — Тебе нужен защитник, когда пойдёшь назад.

Я закатила глаза. И что на это ответить? Спорить — только время терять.

— Ладно. Но как вернемся будешь чистить стойла.

— Ага, — кивнул Дерик, ни капли не расстроившись. Хотя в обычный день без уговоров и не заставишь.

Брайн коротко усмехнулся.

— У вас прекрасный сын, госпожа. Не сердитесь на мальчика.

— Постараюсь, если больше не будет делать глупости.

Дерик просиял и нырнул в лаз первым. Брайн шагнул следом, ощупывая рукой стену. Я задержалась на мгновение, закрывая за нами дверь.

Туннель был узким. Воздух пах сырой землёй. Свеча Дерика плясала впереди, отбрасывая длинные тени.

Рука Брайна тут же нашла мою. Пальцы переплелись. И даже не сразу поймёшь, кто кого ведёт.

Брайн провел пальцами по моему запястью. Прикосновение обожгло кожу. А потом склонился так низко, что я почувствовала его дыхание на своей щеке.

— Вы так и не назвали мне своё имя, — тихо произнес он.

Дорогие читатели!

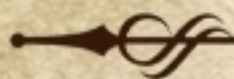
Приглашаю вас в новиночку нашего литмоба

"Лекарка-чужестранка" от Юки

<https://litnet.com/shrt/nQfV>

Юки "Лекарка-чужестранка"

Он нелюдимый
герой войн
Я та, кто может
его раны и б

9

— Осторожно... — я чуть потянула его в сторону, уходя от ответа, — здесь проход изгибается.

Брайн сильнее опирается на мою руку, и тепло его ладони нестерпимо жжёт кожу. Так знакомо. Словно каждая клеточка моего тела, вспоминая, откликается на его прикосновения.

Мне хочется отнять руку. Неосознанно дёргаюсь — и Брайн тут же отпускает.

— Я пойду вперёд, — говорит он. — Если появится препятствие, просто скажите.

— Мы почти пришли. Здесь ровно и прямо до самого выхода.

Теперь мне приходится пялиться на его широкую спину. Интересно, сколько на ней прибавилось шрамов? Раньше у него был один, под лопаткой. От стрелы. Помню, когда увидела в первый раз, чуть ли не истерику закатила. Заставила поклясться, что больше не полезет в самую бойню. А он лишь посмеялся. Сказал, что ничего с ним не станется. И что моя любовь излечит его от всех ран.

А сейчас он спешит к своей жене. Чтобы она исцелила его.

Она же его любит?

— Мама, пришли! — доносится голос Дерика.

Мы стоим перед низкой округлой дверью. Дерик бьётся в неё плечом, но она не поддается.

— Подожди, дай я, — говорю.

Но Брайн останавливает меня рукой.

— Я сам.

Подходит, ощупывает контуры двери. А потом наваливается плечом. Дверь трещит и всё же поддается, распахивается наружу.

Вокруг всё заросло колючим кустарником. Брайн идёт вперёд, обламывая ветки. Мы за ним.

Впереди огромный овраг, заросший молодой порослью. Позади, если подняться по склону, начинается громада старого леса.

— Ваш друг ждёт возле старого дуба. Это совсем близко, — глухо говорю я.

Брайн растерянно вертит головой, вбирая запахи. Оставь мы его одного — не выберется. Лес глухой, легко заблудиться. Хотя кто знает, может, драконье чутьё выведет его к людям.

Я тоже не пропала, когда осталась одна. Выжила. Закалилась. Только сильнее стала.

Но каково ему остаться одному в темноте, полагаясь лишь на тех, кто рядом? Брайн всегда был слишком независимым.

— Держите мою руку, — предлагает Дерик и первым берёт Брайна за ладонь.

— Ты ещё к нам приедешь? — спрашивает, ведя его вверх по склону.

— Возможно. Если буду в этих краях. Но я обязательно пришлю тебе подарок. Что ты хочешь?

— Я хотел бы стать воином. И служить высшему дракону Элларии. Стать его мечом.

Брайн смеётся грудным смехом. Теплым, искренним. Таким, от которого у меня когда-то подкашивались колени.

— Мечом, говоришь? — переспрашивает он. — А ты знаешь, что меч — это не только сила, но и ответственность?

— Знаю, — Дерик серьезно кивает. — Мама говорит, кто имеет силу, тот должен защищать слабых.

— Мудрая у тебя мать, — тихо говорит Брайн.

— Ага, — Дерик улыбается. — Она у меня самая лучшая. Только слишком за меня боится. А я уже большой.

— Большой, — соглашается Брайн. — И рука у тебя твёрдая. Из тебя выйдет хороший воин.

— Правда? — Дерик аж подпрыгивает. — А вы меня научите драться на мечях? Ну, если приедете?

— Научу. — Брайн сжимает его ладонь. — Обязательно научу.

Я смотрю на них и чувствую, как внутри всё переворачивается. Если бы они оба знали... знали, что сын ведет за руку своего отца. А отец обещает научить драться своего сына.

Их разговор — усмешка Светлоликого. И у меня чувство, что он смеется надо мной.

— А ваш сын? — Дерик снова задаёт вопрос в лоб. — Вы его тоже учите?

Брайн запнулся.

— Мой сын... — голос его стал тише. — Ему уже десятый год. Почти как тебе. Я его не так часто вижу, как хотелось бы. Война... дела... я больше времени провёл в походах, чем в собственном замке.

— Жаль, — Дерик качает головой. — Мой отец тоже меня ничему не научил. Он вообще умер, не узнав, что я родился.

У меня внутри всё обрывается.

Я мысленно считаю каждый шаг, молясь, чтобы мы поскорее дошли.

Наконец на пригорке показались очертания огромного дуба. Рядом с ним — никого. Слишком тихо.

Лишь при нашем приближении ворона с противным карканьем срывается с ветки и тяжело взлетает в светлеющее небо.

Я всматриваюсь.

Сначала не понимаю.

Что-то тёмное свисает с самой толстой ветви. Покачивается. Ветер порывом приподнимает полы плаща — и я вижу ноги в сапогах и тёмные штаны.

— Боже... — вырывается у меня.

Мягко оседаю на траву, забыв, как дышать. Мир сужается до одной точки — тела на дереве.

Не видя лица, понимаю — это Маркус.

10

Брайн молчит. Делает несколько шагов вперёд, слепо шаря рукой перед собой.

— Дерик, не смотри, — вырывается у меня.

Хватаю сына за руку, разворачиваю лицом в противоположную сторону.

— Посиди здесь. Посмотри лучше за дорогой.

Дерик кивает, стискивает мои пальцы. Лицо напряжённое, по-детски испуганное. Он старается держаться храбро, но я вижу, как дрожит его подбородок.

— Вот так. Хорошо. Позовёшь, если увидишь что-то подозрительное, — шепчу ему, взъерошив тёмные непослушные пряди.

— А где Тобиас? — хрипло вырывается из его губ.

— Наверняка дома. Уверена в этом.

Усиленно стараюсь, чтобы мой голос звучал беззаботно. Хотя это слишком нелегко. Но не хочу пугать сына еще больше.

Я оставляю Дерика и приближаюсь к Брайну. Тот добрался до тела и замер, с кинжалом в руке.

— Помоги мне его снять, — просит.

Я поднимаю голову. Верёвка перекинута через толстую ветку дуба. Высоко. Ни пня, ни камня рядом.

— Я подниму тебя. Ты же не против? — Брайн чуть поворачивает голову, прислушиваясь к моему дыханию. Потом добавляет тише: — Я не могу оставить его так.

Я не боюсь мертвецов. Несколько лет назад на наше селение напали Архи. Дерик был совсем малышом. Брат спрятал нас в подполе, вместе с Кейном. Когда через несколько часов я вышла оттуда, улицы были усыпаны телами. Наши и архи вперемешку. Нам тогда удалось отбить атаку, а после весь вечер и ночь хоронили умерших и штопали раны на живых.

Так что смерти я не боюсь.

Мне не хочется прикасаться к Брайну. Но кажется, другого выхода нет.

— Хорошо, — соглашаюсь.

Брайн протягивает мне кинжал.

— У меня есть свой, — говорю, сжимая пальцы на ножнах.

Подхожу к нему вплотную.

Первые лучи солнца золотят его кожу. Подбородок и щёки заросли тёмной щетиной. Черты заострились. Но он всё тот же Брайн, которого я любила много лет назад. И ничего не забылось. Глядеть и дотрагиваться до него причиняет мне физическую боль.

— Я готова, — шепчу глухо.

Брайн кладёт ладони на мои плечи. Скользит вниз по рукам, а потом резко подхватывает под бедра, подбрасывая вверх. Так легко, будто я ничего не вешу.

Я замираю. Его пальцы впиваются в мои бёдра, горячие даже сквозь ткань платья.

— Всё. Достаточно, — выдыхаю, сдерживая сбившееся дыхание.

Достаю кинжал и одним движением перерезаю верёвку. Тело Маркуса грузно оседает на землю.

Брайн бережно опускает меня вниз. Его руки задерживаются на моей талии чуть дольше, чем нужно. Или мне кажется?

Я замираю, боясь дышать.

А вдруг он узнает меня? Хотя десять лет — большой срок. К тому же он всё это время обнимал другую женщину. И возможно, не одну. Так с чего ему помнить первую жену, которую и видел не слишком часто — в промежутках между битвами и объездами земель? А мое дело

было подарить наследника и ждать мужа, управляясь делами в замке. Вот только у меня толком не вышло ни первое ни второе.

Брайн склоняется над телом. Срезает с шеи верёвку.

— Нужно похоронить, — глухо роняет он. — Посмотри, где можно.

— Слишком опасно. Ваши враги могут вернуться. Я не хочу подвергать сына опасности.

— Я не прошу. Покажи мне место и... уходите. Я не держу.

Не держит он.

Что в нём не изменилось — так это упрямство и гордость. Можно подумать, он один справится.

Осматриваюсь. За дубом небольшая поляна. Земля мягкая, песчаная.

— Пойдём. Я помогу, — выдыхаю.

Мы срезаем дёрн и начинаем рыть руками. Земля сырая и холодная, набивается под ногти. Работаем молча. Думаю о том, как он дальше... один. Без Маркуса.

— Дерик, — окликаю тихо. — Собери камней. Присыплем сверху, чтобы звери не добрались.

Сын кивает и бежит к краю поляны.

Мы продолжаем рыть. Когда спустя пару часов яма получилась достаточно глубокой, Брайн перенес в нее тело.

— Я отомщу, — произносит тихо, склоняясь над телом. Что-то еще шепчет, но я уже не слышу. Мое внимание привлекает далекий топот копыт.

— Брайн! — хватаю его за руку.

Он замирает, прислушивается.

— Уходите. Здесь опасно.

— А ты?

— Мне нужно закончить, — говорит упрямо и начинает заваливать могилу землёй и камнями.

Я ему помогаю, лихорадочно загребая землю, но понимаю — не успеем. Ещё минута — и нас увидят.

— Брайн, мы почти закончили. Нужно спрятаться. Немедленно.

Он дёргает плечом. Губы складываются в оскал.

И тогда я привожу последний аргумент:

— Подумай о своей семье. О жене. И сыне.

Брайн поднимает голову. Мне кажется, сквозь повязку он сверлит меня взглядом.

Но мои слова действуют.

— Дерик! — зову я. — Быстро сюда!

Сын подбегает. Я хватаю его за руку, Брайна за локоть и тащу в сторону оврага, туда, где начинается густой молодняк.

Топот уже совсем рядом.

Мы падаем в колючий кустарник и замираем, прижимаясь к земле.

Через мгновение на поляну выезжают всадники. Я осторожно раздвигаю ветки.

Пятеро. Нет... семеро.

Все в тёмных плащах. Лошади тяжело фыркают, переступая копытами у свежей могилы.

Один из всадников спрыгивает на землю. Осматривается. Приседает возле могилы. Проводит пальцами по рыхлой почве.

А потом поворачивает голову и смотрит прямо в нашу сторону.

Дорогие читатели!

Еще одна новиночка нашего литмоба ждет вас

"Целительница для владыки Северных гор" от Алекс Го

<https://litnet.com/shrt/clr5>

Алекс Го
"Целительница для владыки
Северных гор"

Я просто подменяла актрису, а
в результате попала в дораму,
заодно получила мужа в коме и
разворованное поместье.
Но все не так плохо, ведь я
знаю сценарий.

11

Я вжимаюсь в землю так плотно, как только возможно. Сухая трава колет лицо, а пыль забивается в рот. Рядом дрожит Дерик. Его дыхание рваное и шумное. Он глотает воздух, пытаясь не всхлипнуть.

Брайн осторожно кладёт руку ему на плечо. Ладонь задевает меня, касается обнаженного участка кожи выше ворота. От прикосновения веет теплом и уверенностью, что все будет хорошо. Главное перетерпеть и не выдать себя.

Я расслабляюсь настолько, что начинаю различать голоса, пробивающиеся через отступающую панику. Послышался хрипловатый властный голос:

— Он был здесь. Почему не поставили караульных?

— Но это невозможно, господин. Арч гнал его коня до самой реки, а потом всадил стрелу в спину. Он упал в воду...

— И вы даже не проверили тело?

— Течение утащило. Мы ищем...

— Ищите. — В голосе прорезалось презрение. — Местные не посмели бы снять тело. Значит, у него здесь сообщники. Или он сам...

Я прижимаюсь к самой земле, закрыв рот ладонью. В груди рвётся крик.

Они же Тобиаса имеют в виду? Когда говорят про тело, которое упало в реку? И в этом виновата только я!

Всё из-за того, что я пожалела Брайна. Не дала ему уйти вчера, как он хотел. Решила, что он должен отлежаться.

Тобиас, прости меня...

— Оставь двоих, — продолжает тот же голос. — Пусть осмотрятся. Остальные прочешут окрестности. Тот, кто снял тело, не мог далеко уйти. Допросить каждого. Найти, кто ему помогал.

Лошади фыркают, переступают копытами. Совсем рядом.

— Живого или мёртвого — доставить мне. Ждать не намерен.

Часть отряда уезжает, но двое остаются. Мы лежим в кустах, в десяти шагах от них. Одно движение и нас увидят.

Липкий страх ползёт по спине. Но боюсь не за себя, а за сына. Ругаю себя, что влезла в это. Нужно было раньше уходить. Оставить Брайна и уйти с сыном. На нас бы не подумали. Наверное.

А Брайн... неужели меня до сих пор волнует его судьба? Он сам во всё ввязался. И теперь из-за него гибнут невинные люди.

Минуты тянутся бесконечно. Дозорные переговариваются: спуститься ли вниз по оврагу или поискать следы в рощице за дорогой. Один из них обращает внимание на смятую траву, где сидел Дерик. Они отходят достаточно, чтобы попытаться улизнуть.

Идеальный момент.

Я кладу руку Брайну на плечо. Тот чуть кивает, что понял.

— Уходим, — шепчу Дерiku в самое ухо.

Пятимся назад. Сначала ползком, по-пластунски, затаив дыхание. Потом, когда кусты становятся гуще, осторожно выпрямляемся.

Я шарю глазами по сторонам. Справа молодняк гуще — там можно незаметно пересечь овраг и выбраться на другую сторону. Сжимаю ладонь сына, показываю направление. Он кивает.

Теперь очередь за Брайном. Касаюсь его руки.

— Идите вперёд, — шепчет он. — Я справлюсь.

Так и хочется прихлопнуть его за это слово. Но думаю, его острого слуха хватит, чтобы ориентироваться на наши шаги.

Мы начинаем осторожно выбираться. Дерик делает шаг, перенося вес на ногу, и вдруг... хруст.

Ветка под его ногой ломается так громко, что, кажется, слышно во всём лесу.

Я замираю. Дерик оглядывается. В его глазах плещется ужас и вина.

— Быстрее, — шиплю я.

Сверху доносится:

— Ты слышал?

— Ветка хрустнула. Надо проверить...

Сердце несётся вскачь. Я подгоняю Дерику, сама чуть ли не бегу, чтобы скорее добраться до зарослей. До спасительной гущи остаётся каких-то пару десятков шагов...

— Эй! Стойте!

Голос бьёт в спину, как плеть. Всё внутри леденеет.

— Стоять, кому сказал!

— Бежим! — ору я.

Мимо со свистом проносится стрела. Вонзается в дерево в двух шагах.

— Дерик, быстрее!

Я подгоняю сына, мы летим вниз по склону, в овраг. Ветки хлещут по лицу, корни цепляются за ноги. Я спотыкаюсь, но удерживаю равновесие.

— Лови их! — ревёт кто-то сзади.

Вторая стрела вжикает над ухом.

Мы уже почти на дне оврага. Ещё немного и скроемся в густом молодняке.

Дерик вырывается вперёд, я за ним. Нога цепляется за корень и я лечу вниз.

Земля стремительно приближается. Я выставляю руки, но не успеваю коснуться — сильные пальцы вцепляются в моё плечо. Дёргают вверх.

— Вставай! — рычит Брайн.

Я вскакиваю. Делаю шаг. И чувствую удар.

Что-то горячее входит в спину, чуть выше лопатки. На миг перехватывает дыхание.

— Мама! — кричит, оглядываясь, Дерик.

— Беги! — хриплю. — Беги, Дерик!

На глаза накатывают слёзы — от боли. И от обречённости. Я не хочу умирать вот так. На дне оврага. Как же Дерик без меня?

Спасение Брайна мне выходит слишком дорого.

В глазах темнеет.

Брайн удерживает меня, не давая упасть. Его ладонь ложится мне на спину и тут же резко замирает. Я вижу, как напрягается его челюсть, когда пальцы нащупывают древко.

Он всё понимает.

— Оставьте меня, — шепчу, сжимая пальцами рукоятку кинжала.

Преследователи слишком близко. Кто-то должен их задержать. Иначе погибнут все.

Но Брайн вдруг разворачивается и бросается назад. Прямо на них. Из его губ вырывается звериный рык.

Он врезается в первого, выбивая лук из рук. Взмах и кинжал входит в плоть. Тело падает, сминая кусты.

Второй скидывает меч, но Брайн уже разворачивается на звук. Удар снизу-вверх и враг оседает на землю, зажимая горло.

А потом он оказывается рядом. Перехватывает меня за талию, перебрасывает через плечо. Все молча. Только слышу его тяжёлое дыхание.

Кусты смыкаются за нами.

Я успеваю порадоваться этому прежде чем потерять сознание.

12

Сознание возвращается урывками. Меня качает. Мир то всплывает, то снова тонет в темноте.

Я вишу на плече Брайна, чувствую, как его пальцы впиваются в мои бёдра, удерживая. Каждый шаг отдаётся в спине огнём.

Иногда он останавливается так резко, что мир замирает вместе с ним. И тогда я понимаю: преследователи рядом. Чувствую, как его рука зарывается в мои волосы, горячая ладонь ложится на затылок, а губы касаются уха:

— Тш-ш-ш...

Я кусаю губы до крови, чтобы не застонать и не выдать нас.

Брайн двигается быстро, но осторожно. Иногда замирает, вжимаясь в стволы деревьев, прижимая меня к себе так сильно, что кости трещат. А потом снова идёт в одном известном ему направлении.

Дерик ведёт его за руку, обходя препятствия, но управляет нашим движением Брайн. Полагается на свой острый слух, который позволяет улавливать присутствие преследователей.

— Правее, — бросает коротко.

— Стой.

— Быстрее.

— Только прямо.

И Дерик слушается. Не задаёт ни одного лишнего вопроса. По крайней мере я не слышу ничего, кроме его учащённого дыхания. Даже звука шагов. Они оба предельно осторожны.

Мы каким-то чудом выбираемся из оврага. По ту сторону начинается старый лес. Я знаю его плохо — охотники иногда приносят отсюда зверя, но я сама здесь не ходила. Дорог нет. Селения остались по ту сторону оврага, ближе к реке. А ближайшее — в дне пути.

Я не понимаю, что делать дальше.

Хочется просто расслабиться в руках Брайна. Позволить волнам боли качать меня, закрыть глаза и ни о чём не думать. Пусть он несёт. Пусть решает.

Но рядом Дерик. Я не могу не думать о нём.

Ближе к вечеру Брайн останавливается.

— Вода, — говорит коротко. — Я слышу ручей.

Дерик выводит нас к нему, послушно сворачивая туда, куда указывает Брайн.

Когда приходим, Брайн осторожно опускает меня на землю, прислоняет спиной к корням старого дерева. Каждое движение отзывается тупой болью, но я сцепила зубы и молчу.

Он отходит к ручью, умывается. Зачерпывает воду в пригоршни и возвращается.

— Пей.

Я приникаю к его ладоням. Втягиваю воду губами, чувствую, как она течёт по подбородку и капает на грудь. Но всё же становится легче.

— Спасибо, — шепчу хрипло.

Брайн не отвечает. Прислушивается к чему-то, поворачивает голову в сторону зарослей.

— Дерик, — зовёт тихо. — В десяти шагах — малина. Я чую её запах. Иди, набери для матери ягод.

Дерик смотрит на меня, потом на него. Кивает и скрывается в кустах.

Мы остаёмся одни.

— Спасибо, — повторяю я.

— Нужно вытащить наконечник, — Брайн мотает головой в сторону моей спины.

Я знаю. Знаю, что нужно. И понимаю, что лучше бы это сделать в тёплом доме, под присмотром Борка. Он лучший лекарь, в этих местах. Но до Борка ещё надо добраться, а я сейчас слаба как ребёнок.

Если не вытащить стрелу — начнётся гниение. Тогда точно конец.

— Я справлюсь, — говорит Брайн, будто читает мои мысли.

Я хмыкаю. Но почему-то охотно верю его словам. Ему наверняка не впервой. Он и с закрытыми глазами это сделает.

И если делать... то лучше сейчас, пока Дерик не вернулся. Не хочу, чтобы он видел, как мне больно.

Оглядываюсь. Вдоль ручья, у самой воды, растёт знакомая трава. Борк всегда прикладывает ее к ранам. Она тянет гной и помогает заживлению.

— Подожди, — шепчу я.

Стиснув зубы, опираясь на здоровую руку, встаю и подхожу к воде. Срываю несколько стеблей.

Брайн слышит каждое моё движение. Молчит, только ноздри раздуваются, втягивая запах травы. Я возвращаюсь к дереву и падаю у корней. Засовываю в рот листья и жую, превращая в кашицу. Потом рву подол нижней юбки на длинный лоскут.

— Готова? — спрашивает Брайн, прислушиваясь к моим действиям.

— Давай, — выдыхаю. — Только быстро.

Я поворачиваюсь к нему спиной. Пальцы дрожат, когда я тяну вниз ворот платья. Ткань скользит по плечу, обнажая кожу до самой лопатки. Задевает обломанное по самый наконечник древко стрелы.

Холодный воздух касается раны, и кожа покрывается мурашками.

Брайн протягивает руку. Пальцы осторожно касаются моего плеча. Они скользят выше, нащупывают край раны.

— Готова?

— Делай.

Он рвёт.

Боль взрывается под веками. Я закусываю губу, чтобы не закричать, но всхлип всё равно вырывается. Мир качается и плывёт.

А потом — тепло. Его ладонь ложится на голое плечо. Пальцы сжимаются, словно он пытается забрать боль себе. Горячие, почти обжигающие. Странное, неправильное, невозможное чувство — будто в самом центре боли распускается что-то тёплое и живое.

— Тш-ш-ш, — выдыхает он мне в макушку. — Готово. Всё кончилось.

Беру пожеванную траву, прикладываю к ране насколько хватает вывернутой руки. Лоскут ткани кладу сверху, прижимаю.

— Завяжи, — прошу. Беру его ладонь и кладу на обвивающий плечо лоскут.

Его пальцы двигаются осторожно и почти нежно, когда он фиксирует повязку. Даже после, когда дело сделано. Скользят по коже, а дыхание щекочет затылок. Потом пальцы замирают, и он сам склоняется так низко, что я готова поклясться — его кончик носа касается изгиба моей шеи.

Сердце бросается вскачь.

— Мне кажется, что ты меня обманываешь, — шепчет он.

Дорогие читатели!

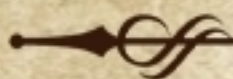
Хочу познакомить вас с новинкой нашего литмоба

"Сиделка слепого генерала. Это (не) твой ребёнок, дракон!"

<https://litnet.com/shrt/RLU5>

Татьяна Бэк, Софья
"Сиделка слепого"
Это (не) твой ребенок

Я унесла под сводами
тайну после
с драконом.
Спустя несколько лет
судьба столкнула
Теперь я ем

13

Он застывает за моей спиной. Прислушивается. А я думаю, слышно ли ему, как сильно в груди бьётся моё сердце. Так, что кажется, выскочит, пробив рёбра.

— Мама, смотри, сколько я малины набрал! — кричит Дерик.

Подбегает. В руках два здоровенных лопуха, на которых горкой переливается красная ягода.

Я резко одёргиваю ворот платья. Плотней запахиваю плащ. Отсаживаюсь от Брайна чуть дальше. И безумно рада, что появление Дерика избавляет меня от ответа. Хотя внутри свербит — неужели узнал? Или ещё сомневается? На это я надеюсь больше всего.

Сейчас главное — держаться от него подальше. Хотя это почти невозможно. Ещё неизвестно, как поведёт себя моя рана и мне может понадобится его помощь. Плечо дёргает, сил нет.

— Нужно найти место для ночлега, — говорит Брайн.

Я готова уснуть прямо у корней этого дерева. Дерик насыпал мне целую пригоршню малины, и я ем по ягодке. Брайн взял парочку, больше не стал. Ну и ладно, нам с Дериком больше достанется. А Брайн — дракон всё же. Ему мясо нужно.

— Можем найти старую ель и устроиться у её корней. Ветви нас укроют, — предлагаю.

— Хорошо. Если увидишь подходящую, скажи. А пока пойдём вдоль ручья.

Брайн как-то сразу резко подбирается. Встаёт. Распрямляет плечи. А я кидаю на него взгляд снизу вверх. И думаю, что он тоже ранен. И наверняка наш побег и таскание меня на плече не прошли даром. Но сейчас разбираться с этим нет ни сил, ни времени. Нужно убираться отсюда подальше. Замести следы. И подумать о ночлеге. Ещё немного — и солнце начнёт клониться к горизонту.

Я встаю. Ноги дрожат.

— Можешь идти? — спрашивает Брайн.

— Справлюсь, — шиплю.

И на мой ответ он чуть заметно ухмыляется.

Идём вдоль ручья. Дерик впереди. Брайн следом, буквально шаг в шаг. Я замыкаю. Можно уцепиться за руку Брайна — он предлагал. Но я отказалась. Сегодня и так было слишком много прикосновений.

Лес местами превращается в чащобу, и приходится перебираться через буераки. Но в этом радуется одно — лошади не проедут. Но искать нас всё равно будут. И всё зависит от того, насколько заметны наши следы.

По пути я то травинку приглажу, то след замету. Но с каждым шагом идти всё тяжелее. Мы все устали. А дёргающая плечо рана заставляет сцепить зубы.

— Мама, смотри, хижина! — подпрыгивает на месте Дерик.

Я замечаю чуть в стороне вросший в землю дом с крышей, поросшей мхом. Старая охотничья хижина.

— Давайте... здесь, — выдыхаю сквозь зубы.

— Что за дом? Опиши, — командует Брайн. Но обращается к Дерику.

Тот описывает и берёт его за руку. Ведёт к самой хижине. Пальцы Брайна очерчивают потемневшие бревна. Ощупывают небольшое окно под самой крышей. Узкое, человеку в него не забраться. Дверь вросла в землю. Брайн дёргает её с силой, и они с Дериком входят внутрь.

Я даю себе немного отдыха. Буквально валюсь на низкую лавочку под самым окном. Только слышу, как Дерик вскрикивает:

— Очаг есть! И котелок. Можно рыбы сварить. Я видел в ручье...

— Завтра на рассвете и наловим. А ещё можно птицу подбить...

Я хмыкаю. Интересно, как он собрался это делать? Да и нет на это времени. Нужно попытаться выйти к ближайшему селению. Хотя это всё же слишком опасно. Лучше идти дальше, через лес. На другой стороне, насколько я знаю, город. Брайн может нанять себе провожатого. А мы... домой.

Меня клонит в сон. Чувствую, как Брайн помогает подняться. Закидывает одну руку мне на плечо, а второй подхватывает за талию.

— Пойдём. В доме лавка есть, — говорит.

Не представляю, как он ориентируется. Но безошибочно находит вход и ведёт меня внутрь. Усаживает на лавку. Довольно широкую, вполне подходящую для ночлега. На противоположной стороне — ещё одна. Скидывает с себя плащ и стелет.

— Ложись, — командует. А следом Дерику: — Отмой в ручье котёл и набери воды.

Дерик убегает чуть ли не вприпрыжку.

А я замечаю на рубаше Брайна расплывшееся багровое пятно.

— Как твоя рана? Нужно бы перевязать. Обложить листьями подорожника, чтобы не было воспаления.

— Успеется. Сначала нам нужно хорошенько отдохнуть.

— Тогда дай свою руку...

Брайн поджимает губы, разгадав мои намерения. Я настаиваю:

— Тебе больше надо. Если свалишься, что я буду делать...

Я беру его ладонь и обхватываю своими. Мой дар едва теплится внутри. Но ему и правда нужнее. Чем быстрее Брайн поправится, тем скорее разойдутся наши пути.

Частица дара струится из моей руки и Брайн делает глубокий вдох. Убираю руку и тут же ложусь на лавку. Сил больше ни на что не осталось.

Чувствую, как он укрывает меня плащом. Потом пальцы осторожно касаются щеки. Двигаются вверх к скуле и очерчивают бровь. Потом в обратном направлении. До уголка губ.

Замирают.

Я сглатываю. Открываю глаза, пытаюсь прочесть эмоции на его застывшем лице. А он челюсть сжал так, что желваки играют.

А я молчу. Все жду, когда он первый это скажет.

Дорогие читатели!

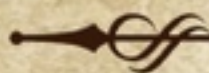
Приглашаю вас в новинку нашего литмоба

"Лекарь раненого дракона"

<https://litnet.com/shrt/H5hz>

Катрин Алисин "Лекарь раненого дракона"

Раненый герцог - мой
изменник.

А теперь хочет, что
исцелила его

14

Тишину прерывает лишь его рваный вдох.

— Легти...

Имя срывается с его губ почти беззвучно. Меня словно обжигает.

Я резко подаюсь вперёд и прижимаю пальцы к его губам, заставляя замолчать.

— Ещё слово — и я перережу тебе горло.

Кинжал сам оказывается в руке. Лезвие касается его шеи, скользит по коже. Я чувствую, как дёргается кадык под холодной сталью.

А меня просто накрывает обидой, что копилась все десять лет. И сейчас я едва сдерживаю плотину, чтобы не дать эмоциям поглотить меня.

Брайн не отстраняется. Наоборот — чуть подаётся вперёд. Так, что мои пальцы сильнее прижимаются к его губам.

— Ты не сделаешь этого, — хрипло говорит он и тёплое дыхание щекает кожу.

— Уверен?

Чуть сильнее надавливаю лезвием. Кожа под ним натягивается.

— Хочешь проверить?

— Ты же знаешь, что я легко выбью его из твоих рук, — шепчет Брайн в мои пальцы.

— Возможно. Но это не значит, что я не буду пытаться. Или что не выдам тебя твоим врагам. Так кому ты перешёл дорогу, Брайн Эдхерт, высший дракон Элларии?

Я сильно стараюсь, чтобы мои слова звучали как усмешка. Равнодушно. Чтобы он не понял, какая горечь разъедает меня внутри.

— Кто бы это ни был, им недолго осталось, — говорит он.

— Надеюсь. Потому что у меня нет времени с тобой возиться. Мы доведём тебя до города, а там наши пути разойдутся.

Тяжёлое горячее дыхание обдаёт мои пальцы. Я отдёргиваю руку от его губ.

— Дерик... — хрипло вырывается у Брайна.

— Его отец погиб. Это всё, что ты должен знать.

Я убираю кинжал в ножны и откидываюсь на лавку. Все силы ушли на этот разговор. Мне просто хочется закрыть глаза и забыться. Обо всём подумаю завтра. Когда буду способна связно мыслить.

Брайн всё ещё стоит неподвижно рядом. Лишь бросает с непривычной горечью:

— Ты даже не хочешь выслушать меня?

— Ты всё сказал десять лет назад. А теперь оставь меня. Мы чужие друг другу люди.

Я закрываю глаза. Осторожно, стараясь не потревожить плечо, поворачиваюсь к нему спиной. Пусть не видит, но наверняка слышит и понимает мои движения.

Брайн отступает. Уходит, чуть слышно хлопнув дверью.

У меня опускаются плечи. Напряжение спадает, хотя внутри я всё ещё как натянутая тетива. Пытаюсь уловить, что происходит за пределами дома. Слышу голос Дерика. Брайн что-то отвечает. И снова Дерик...

Тьма, о чём они там беседуют?

Эти мысли не дают покоя. Как и то, поймёт ли он, что Дерик — его сын?

Даже если так, сейчас он не в том положении, чтобы ставить условия. А Дерика я ни за что не отдам. Не допущу, чтобы жена Брайна моего мальчика со свету сжила, увидев в нём конкурента для её сына. Знаю я эти драконьи нравы при дворе. Спасибо, нажилась. Лучше здесь, в глуши. Пусть дракон Дерика никогда не проснется, но и кинжал в спину нет опасности получить.

Меня всё же вырубает. Я слишком устала от всего. От изматывающих эмоций и слабости, что причиняет ноющая рана. Да и я уже не девочка, чтобы целый день без усталости бродить по лесу.

Проснувшись, я первым делом чувствую аппетитный аромат, наполняющий хижину. Живот предательски урчит.

Внутри тепло натоплено. В противоположном углу горит очаг, над огнём висит котелок, в котором что-то булькает.

Я привстаю, опираясь на локти.

У очага возятся двое — большой и маленький. Брайн сидит на корточках, помешивая в котелке какой-то палкой. Дерик пристроился рядом, протягивает руки к огню.

— Мама! — обрадованно воскликнул Дерик. — Ты проснулась! Смотри, что у нас есть!

— Что это? — голос со сна звучит хрипло.

— Рябчик, — с гордостью отвечает сын. — Брайн подбил его камнем! Обещал, что и меня так научит.

Я невольно перевожу взгляд на мужчину. Поджимаю губы. Но тот никак не реагирует на меня. Даже голову не поворачивает в мою сторону.

Неужто мой нерадушный прием его так задел? Фыркаю про себя. Накидываю плащ, выхожу наружу.

Я умываюсь ледяной водой, и срываю знакомую траву, что помогает вытягивать жар и не дает ране загноиться. Скриплю зубами от мысли, что придется прикасаться к Брайну. Да и мою рану нужно перевязать. Но здесь и Дерик справится.

Чувствовать палец Брайна на своей коже слишком невыносимо. Тело предает и ему нравится тепло его пальцев.

Когда я возвращаюсь, Дерик уже уплетает варево. Отхлёбывает бульон, и шипя, вылавливает обжигающие пальцы куски мяса.

Я сажусь на лавку. Брайн наливает в миску похлёбку. Секунду медлит, ориентируясь в пространстве, и подходит ко мне. Протягивает миску.

— Ешь.

— Спасибо, — отвечаю.

Мы молча едим. Дерик сидит рядом с Брайном на лавке напротив меня. Я прекрасно вижу, как сын тянется к нему. И ничего не могу с этим сделать.

Когда заканчиваем, Брайн поворачивается к Дерику:

— Помой миски. И котелок тоже.

— Хорошо!

Сын послушно вскакивает и убегает к ручью. Мне лишь остаётся закатить глаза, потому что мне бы точно пришлось просить дважды.

Мы остаёмся вдвоём. Если бы не повязка, я бы поклялась — Брайн прожигает меня взглядом. Хотя... возможно, так и есть. И мне стоит радоваться, что я не вижу его глаз. Так общаться гораздо проще.

— А теперь послушай меня, Летиция, — говорит он наконец, разрушая неудобную тишину, — Я хочу предложить тебе сделку.

15

Сделка.

Я невольно напрягаюсь, слыша это слово. Он стоит, расправив плечи, словно хозяин положения. Словно не ему, а мне требуется помощь.

Я вздёргиваю подбородок. Собираю всю уверенность, чтобы придать словам вес.

— Я не заключаю сделок. Но выслушаю, что ты хочешь предложить.

Он чуть заметно вздыхает, принимая мои слова.

— Ты доведёшь меня до «Сердца Дракона».

Я даже не сразу понимаю смысл слов. А потом...

— Нет.

«Сердце Дракона» — замок Брайна. Мой бывший дом. Сама мысль оказаться рядом вызывает отторжение.

Хотя когда-то я считала это место самым лучшим на земле. Новый дом, где я буду счастлива. Ещё бы, мне казалось, что я в сказку попала. Раньше я комнату делила с младшей сестрой, а тут в моих личных покоях их насчитывалось пять, включая отдельную купальню. Две личных служанки, заглядывающих в рот и готовых исполнить любую прихоть.

Это потом они стали позволять вольности, когда после пяти лет брака я так и не понесла. И стали шептаться, что Брайн выберет себе другую жену.

Но до этого момента я была счастлива. И в постели мужа проводила больше времени, чем в собственной спальне.

Я и в последнюю нашу ночь сама пришла к нему. Брайн приехал поздно, я готовилась ко сну. Весь замок уже спал. Я услышала далёкий звук рожка, возвещающий о возвращении хозяина.

Долго не могла заснуть. Думала, что позовёт. А потом не выдержала и сама пришла. Он спал. Я пробралась в постель и разбудила поцелуем...

Вот только утро вышло слишком горьким.

Но если бы не эта ночь, то не родился бы Дерик. Так что всё было не зря.

Но ещё раз увидеть стены «Сердца Дракона»... нет, не хочу.

— Я не могу тебя отпустить, зная, что вам грозит опасность, — говорит Брайн. — Мы дойдём до замка. Я дам тебе охрану, экипаж, всё, что захочешь. Но я должен быть уверен, что вы с Дериком благополучно добрались до дома.

Звучит разумно. Но сердце противится.

— Легти... не упрямясь.

Я отворачиваюсь к небольшому окну под потолком, в которое заглядывает кусочек голубого неба. Мне нужно за что-то зацепиться взглядом. За то, что не причиняет боли.

— Я подумаю. Сначала нужно добраться до города. А там... посмотрим.

Там я найду надёжного человека, который поможет ему добраться до замка. Но сейчас не хочу спорить. К тому же скоро вернётся Дерик, а ему идея отправиться в «Сердце Дракона» может показаться увлекательной.

— Давай я лучше осмотрю твою рану. И отправимся в путь. На одном месте сидеть опасно.

Брайн снимает рубашку. Остаётся сидеть на лавке напротив меня с совершенно каменным лицом. А я не удерживаюсь и скольжу взглядом по его телу. Отмечаю новые шрамы и нахожу следы старых. Знакомых моим губам.

Поспешно отвожу взгляд. Беру целебные листья, что нашла у ручья, разминаю в пальцах. Подхожу к Брайну, разматываю повязку на груди.

Три глубоких борозды от когтей выглядят почти зажившими. Края ран стянулись, превращаясь в розовые рубцы.

Что я хотела. Он же дракон. На нём как на собаке всё заживает.

— Что скажешь? — хриловато спрашивает Брайн.

— Скажу, что обойдётся без перевязки.

Словно не веря, он проводит пальцами по груди, ощупывая края ран. А потом его руки резко взмываются к лицу, срывая повязку.

Я инстинктивно отшатываюсь. Сердце подскакивает, когда понимаю, что сейчас столкнусь с его взглядом.

Брайн щурит глаза. Но тут же крепко зажмуривается, издав приглушённый рык. Пальцы сжимают ткань так, что она трещит.

— Вернёшься к истинной, и она исцелит тебя, — произношу я, отводя взгляд.

— Исцелит... — зло цедит сквозь зубы.

Я молчу. Не знаю, что ещё сказать. Утешать разучилась, а про его жену не хочу.

Возвращается Дерик, гремя посудой.

— Дерик, помоги перевязать мне рану, — прошу я.

Сын подбегает. Я обкладываю плечо смятыми листьями, пустившими сок. Дерик старательно завязывает повязку на узел.

— Мне не нравится, как пахнет твоя рана, — произносит Брайн.

— Обойдётся, — отвечаю сквозь стиснутые зубы.

После всех манипуляций плечо болезненно дёргает.

Я поднимаюсь, накидываю плащ.

— Нужно идти. Если повезёт, к вечеру будем в городе.

16

Я всё чаще поглядываю на небо. Поднялся пронизывающий ветер, небо заволокли свинцовые тучи. Мысленно кляню Темноликого. Тёмный бог словно издевается над нами. Светлый бы точно такого не допустил.

В полдень находим местечко у корней старой ели для короткого отдыха. Её густые лапы защищают спину от ветра.

— Нужно прибавить шаг, — говорю, хотя даже не пытаюсь скрыть усталость. Но мне и правда тяжело идти. Ноет плечо, слегка потряхивает от озноба.

Прикасаюсь холодными пальцами к щекам. Горячие. Зло выдыхаю сквозь зубы.

Брайн поворачивает голову в мою сторону.

— Всё в порядке?

Ни черта не в порядке. С того дня, как ты оказался на пороге моего дома. Хотя нет, раньше. Когда я получила приглашение на отбор. И так радовалась этому, глупая. Знала бы заранее, что так выйдет, притворилась бы хворой и осталась дома.

— Да, — всё же вру.

Дерик прижимается ко мне, и я ворошу его непослушные волосы. Близость сына словно придаёт сил. Осталось продержаться несколько часов. К закату придём в город. У меня есть там знакомый — торговец Ригель. Скупщик, которому мы отдаём овощи, сыры, рыбу. Он всегда даёт хорошую цену и можно не ждать ярмарку.

Я пойду к нему и попрошу денег. Он не откажет. У нас с ним хорошие отношения, пусть больше и деловые. К тому же мы делаем лучший сыр во всей округе. Ему невыгодно со мной ссориться, а иметь в должниках — весьма полезно.

Наличие плана меня успокаивает. Как и то, что скоро я смогу вернуться к привычной жизни.

— Нужно идти... — я встаю, отряхивая подол от налипшей хвои.

— Тш-ш-ш... — Брайн подносит палец к губам. — Кажется, я что-то слышу.

Сердце срывается в галоп.

— Где? Я ничего...

— Летти!

Он хватает меня за локоть, другой рукой — Дерика, и буквально вталкивает нас под низкую ветку. Вжимает в ствол. Грубо и резко.

Спиной я чувствую его грудь.

И тотчас доносятся принесенные порывом ветра голоса:

— За голову сто золотых обещано...

Я застываю.

— Смотри лучше, Сыч...

— Заткнись, Терн. Орёшь так, что тебя в Элларии слышно.

Они проходят буквально в трёх шагах от нас. Переругиваются, что потеряли след. Похоже, шли за нами от самой хижины. А ещё гадают, кого загоняют. Кто та жертва, за голову которой назначена такая щедрая награда?

Дыхание застревает в гортани. Я даже моргнуть боюсь.

Рука Брайна сжимается на моих плечах. Чувствую его горячее дыхание на своем затылке.

Но вот голоса становятся все глуше и совсем пропадают.

Мы выбираемся из-под ветвей. Отряхиваем одежду от налипших иголок. Сворачиваем в сторону, подальше от преследователей.

Начинает капать дождь. Небо темнеет. Становится ясно что до города сегодня не дойдем. Сейчас важнее найти убежище от непогоды.

Брайн идёт вперёд, вскидывая руку перед собой, когда чувствует препятствие. Так целенаправленно, что я не выдерживаю:

— Ты куда?

Мы с Дериком прибавляем шаг, чтобы успеть за ним.

— Чувствую следы старой магии. Хочу дойти до этого места.

Выбора у нас всё равно нет. Дождь усиливается. Наконец Брайн выходит на место, окружённое валунами. За ним я вижу развалины строения. Остатки храма — стены ещё держатся, над головой есть крыша.

Мы буквально добегая до этого сомнительного убежища.

— Откуда это здесь? — спрашиваю, проводя ладонью по гладкой каменной стене.

— Его построили ещё древние, — говорит Брайн. — В таком храме одна сторона принадлежит Светлоликому, а обратная — Темноликому. Если что-то попросить и дать взамен, боги исполнят любое желание.

Я подхожу ближе. На камне вырезано мужское лицо с едва заметной улыбкой на губах. Светлоликий.

— Однажды я нашёл такой древний храм, — говорит Брайн. — На землях Архов. Он был почти полностью разрушен, но лики богов сохранились. Я остался там на ночь. Молил богов о сыне. Это было десять лет назад.

Я вздрагиваю.

— Ты его получил, — говорю тихо.

Брайн дёргает уголком рта.

А я вдруг понимаю. Он отдал богам меня. Нашу любовь. За возможность встретить ту, кто родит ему ребенка.

Осознание накрывает ледяной волной. Начинает бить дрожь, зубы стучат. Я стискиваю их, чтобы Брайн не услышал. Лишь равнодушно бросаю:

— Твоя жертва была не напрасной.

Брайн молчит. Слышит что-то в моём голосе, но не может понять, что.

Он разводит небольшой огонь из сухих веток, которых намело сквозняком к стенам храма. Мы тянем к нему руки, чтобы согреться. Дерик сонно трет глаза кулаками. Лицо чумазое, щеки осунулись, из-за чего глаза кажутся больше. Брайн снимает с себя плащ и стелет на пол возле огня.

— Ложись, — говорит Дерику.

Сын падает на него, как подкошенный. Сворачивается калачиком, сжавшись в комочек. И мгновенно засыпает.

Меня колотит. Я никак не могу согреться. Тяну к пламени руки, но тепло не проникает внутрь. Озноб пробирает до костей.

Брайн подходит. Садится рядом. Обнимает меня за плечи. Я дёргаюсь.

— Не глупи. Ты же замерзла. Так будет теплее.

Он прижимает меня к своей груди.

— Отпусти, — шиплю.

— Легти...

— Я же просила... не называй меня так.

— Плевать.

Он разворачивает меня к себе лицом. Лицо жёсткое, упрямая линия губ. И кажется, что он смотрит прямо в глаза, хотя это невозможно. Но я сквозь повязку чувствую, как его взгляд меня прожигает.

— Это должен был быть твой сын, — рычит он тихо, почти в губы. — Я просил об этом. Сердце проваливается. И хочется заткнуть уши, чтобы не слышать его слов.

— Я не собирался тебя отпускать. Неужели ты думаешь, я смог бы отказаться от тебя?

— Ты сделал это, — из горла вырывается всхлип.

Эмоции хлещут внутри, я с трудом сдерживаюсь, чтобы не сорваться. Хочется расплакаться. Дать Брайну звонкую пощёчину. Или то и другое вместе.

— Прости, — срывается с его губ.

А потом он прижимает меня так крепко, что я задыхаюсь в его объятьях. Брыкаюсь, пытаюсь выбраться, но его руки силой удерживают меня на месте. Он ломает моё сопротивление. И чем больше я хочу выбраться, тем сильнее хватка.

— Ненавижу тебя! — кричу я. — Отпусти! Сейчас же! И никогда... никогда не прощу!

— Отпущу, — рычит он мне в ухо, — только сначала ответь мне на один вопрос...

Дорогие читатели!

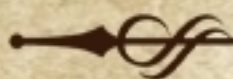
Приглашаю в историю про покалеченного генерала

"Надежда для проклятого генерала"

<https://litnet.com/shrt/VNMd>

Кейлет Ро "Надежда для пр генерало

Разрушенное по
парализован
муж - вот и все пр
попаданки

Я готова на все, что
Даже полюбить з

17

Мы тяжело дышим, глядя друг на друга. Так близко, что я чувствую его дыхание на губах.

Передо мной его лицо с упрямой челюстью, жёсткие губы. Интересно, что представляет он? Ту, кем я была десять лет назад, когда смотрела на него так, словно он бог, сошедший с небес до меня, жалкой смертной?

— Тогда и ты ответь на мой! — резко дёргаю плечом. И тут же срываюсь на тихий всхлип. Боль простреливает так, что темнеет в глазах.

Брайн меняется мгновенно.

— Что с тобой, Летти?

Его пальцы скользят по моим плечам, осторожно, почти бережно. Когда ладонь накрывает повязку, я невольно вздрагиваю.

— Болит? — спрашивает он уже совсем иначе, мягче, чем прежде.

— Немного, — отвечаю, хотя боль пульсирует так, что в глазах темнеет.

Чувствую, что не верит. Тепло его ладони греет кожу и это немного снимает напряжение. И именно в этот момент я вдруг слишком ясно ощущаю всё остальное — как гудят от усталости ноги, как ломит тело, как тяжело держаться на ногах.

Хочется сделать шаг вперёд, уткнуться лбом ему в плечо, позволить себе хотя бы на мгновение перестать быть сильной. Но я лишь отворачиваюсь.

Его настойчивый голос обжигает ухо.

— Тебе нужно отдохнуть. Ложись рядом с Дериком. Ближе к огню.

Я отстраняюсь, и он не пытается удержать меня. Всё, что только что вспыхнуло между нами, гаснет так же быстро, как и возникло.

Я ложусь на плащ рядом с Дериком, прижимаюсь к его спине и укрываю нас сверху своим плащом. Его тепло немного успокаивает, но сон всё равно не приходит.

Я лежу тихо, стараясь не разбудить сына, и через полусомкнутые ресницы наблюдаю за Брайном.

Он сидит напротив, и между нами только огонь, медленно дожигающий сухие ветки. Пламя бросает на его лицо неровные блики, и в этом свете я вижу, насколько он устал. Маска непобедимого героя исчезла, и теперь тени ложатся на запавшие щеки, подчёркивая щетину и жёсткие линии лица.

Но он всё ещё красив. Так, что сердце болезненно замирает.

— Летти, — вдруг тихо говорит он, вскидывая голову, и мне на мгновение кажется, что он смотрит прямо на меня. — Прости, что втянул вас во всё это. Я не должен был оказаться в твоём доме... но я рад, что встретил тебя.

Я лишь дёргаю уголками губ в ответ. Я не рада нашей встрече. Но глупо отрицать, что всегда хотела увидеть его. Хотя бы издали.

Просыпаюсь от холода. Он забирается под плащ, под кожу, в кости. Дерик беспокойно ворочается, и я сразу поправляю ткань, укрывая его плотнее.

Брайна рядом нет.

Я поднимаюсь и оглядываюсь, чувствуя, как меня начинает трясти от лихорадочного холода. Найдя несколько сухих щепок, я медленно иду вдоль стен храма, пока не оказываюсь на противоположной стороне.

Здесь разрушения сильнее. Камни обрушенного потолка покрывают пол, и сквозь пролом льётся холодный свет.

Он падает прямо на стену.

Я замираю.

На камне высечено лицо, но это не спокойный лик Светлоликого. Губы изогнуты в зверином оскале, от которого по коже бегут мурашки.

Темноликий.

А еще замечаю у самой стены белые обглоданные кости. Темноликий берет жертву кровью. Кто-то заплатил цену за свою просьбу. Наверняка такую же темную, как и сам бог.

Меня накрывает тяжёлая духота, и становится трудно дышать. Светлый дар внутри словно сжимается, пытаюсь укрыться от этой тьмы.

Я торопливо подбираю несколько сухих веток и почти бегу обратно. Возвращаюсь к костру, подбрасываю щепки в тлеющие угли, и пламя постепенно оживает.

Брайн появляется почти бесшумно.

В его руках охапка диких яблок. Он почти всё высыпает мне в подол.

— Поешь.

Я не спорю. Еда действительно немного возвращает силы. Проснувшийся Дерик с удовольствием набрасывается на яблоки, и я невольно улыбаюсь, глядя на него.

Когда мы снова отправляемся в путь, идти становится немного легче, хотя слабость никуда не исчезает.

Дерик идёт впереди, уверенно выбирая направление. За ним — Брайн, а я следую в шаге позади.

В какой-то момент нога цепляется за корень, и я едва не падаю, но Брайн тут же подхватывает меня за локоть.

— Держись за меня, — спокойно говорит он.

Я не спорю, потому, что иначе не дойду.

К полудню выходим на торговый тракт. Дорога ведёт к городу. Вскоре появляются другие повозки, люди идут пешком, кто-то верхом. Я запахиваю плащ, надвигаю капюшон. Брайн следует моему примеру.

Вскоре выходим к городским воротам. Толпится народ, спешащий попасть в город. Я незаметно бросаю взгляды вокруг — здесь могут быть люди, которые преследуют Брайна.

Крепче цепляюсь за его локоть и заставляю себя улыбнуться. Начинаю говорить громче, чем нужно, оживлённо рассуждая о ценах на ярмарке. Мы должны выглядеть обычной семьёй.

Я поправляю его плащ, стряхиваю несуществующую пылинку.

— Ты обещал сводить меня в ту лавку с кружевами, — говорю с игривой укоризной. — Скоро праздник, мне нужно украсить платье.

— Конечно, любимая, — включается Брайн. — Всё, что захочешь.

Я невольно фыркаю. Брайн оглядывается в мою сторону, уголки его губ дёргаются в улыбке.

Дерик был в городе один раз прошлой осенью. Теперь идёт, разинув рот и оглядываясь по сторонам. Всё ему интересно.

Страж у ворот скользит по нам взглядом, но останавливаться не заставляет. Семья с ребёнком — не те, кто вызывает подозрения.

Мы проходим внутрь.

Я увлекаю их на знакомую улицу, где живёт торговец Ригель. Осознание, что скоро всё закончится, придаёт мне сил.

Возле дома замедляюсь. Оглядываюсь на Дерика и Брайна. Они стоят близко друг к другу и сердце дергается от того, как похожи. Но я отгоняю эту мысль. Теперь это уже не имеет значения.

Я поднимаюсь на крыльцо. Стучу.

Тишина.

Стучу снова, громче.

Ничего.

Я прижимаюсь лбом к холодному косяку. Не может быть. Не сейчас.

— Летти? — голос Брайна за спиной.

Я не отвечаю. Стучу в третий раз, уже не скрывая отчаяния.

— Господин Ригель уехал, — раздаётся голос сбоку.

Я оборачиваюсь. Соседка смотрит на нас с любопытством.

— Уехал? — переспрашиваю я. — Когда?

— Третьего дня. Говорил, на ярмарку, в столицу. Не раньше, чем через седмицу вернётся.

Седмица. У меня нет седмицы.

Я прислоняюсь спиной к стене и закрываю глаза. Ноги дрожат, плечо горит, сил нет даже на то, чтобы держаться прямо.

— Летти, — Брайн подходит ближе, нащупывает мою руку. — Что случилось?

— Его нет, — говорю глухо. — Уехал. Вернётся через неделю.

Брайн молчит. Дерик прижимается к моему боку, испуганно глядя снизу-вверх.

— Мам, а мы теперь куда?

Я не знаю. У меня нет денег. Нет сил. И нет плана.

Дорогие читатели!

*Представляю Вам интересную, захватывающую новинку от
Анастасии Гудковой "Коснись меня, если сможешь"*

<https://litnet.com/shrt/AAAB>

18

— Идите за мной, — произносит Брайн.

Я вскидываю на него взгляд. Не могу понять, что он затеял. Но Брайн уже сжал мою ладонь и буквально потащил от дома. Только бросил:

— Дерик?

— Я здесь, — отзывается сын.

— Иди вперёд до конца улицы. Потом повернёшь направо. Пойдёшь до конца. Там будет рыночная площадь.

Дерик просиял. Пошёл впереди, нарочито громко топая ногами.

— Что ты задумал? — не удерживаюсь я.

— Увидишь.

Вот и поговорили.

Ладно, посмотрим, что он там решил. Но мысленно я уже обдумываю, что можно будет продать. Плащ? Он не новый, обтрепался по краям. Но несколько монет за него дадут — хватит на ужин. Кинжал? На рукоятке трещина. За него много не выручишь. Но несколько лишних монет не помешают.

Но впереди ночь. Можно попроситься на ночлег в храм. И возможно сестры будут так добры, что дадут мазь, смазать ноющую рану, которая меня беспокоила все больше.

У меня нет никаких украшений. Единственное, что было на мне, когда я покидала «Сердце Дракона» — обручальное кольцо с кровавым кристаллом. Я выбросила его, когда экипаж подъехал к обители. Сняла и с остервенением швырнула в кусты. А после сбежала в чём была.

Потом, конечно, жалела. В крайнем случае могла бы продать. Но сделанного не вернуть. Просто в новой жизни я не хотела иметь ничего, что напоминало бы мне о Брайне.

Дерик уверенно ведёт нас вперёд, огибая препятствия. Брайн держится на шаг позади, продолжает крепко сжимать мою руку. Наверное, даже если бы я захотела, не выпустил бы. Пальцы словно железные, сжимают запястье. И мне до чертиков нужна сейчас эта рука, которой можно довериться. Потому что отпусти он меня — я просто рухну от усталости.

Чем ближе мы подходим к рыночной площади, тем больше народа нас обтекает. Брайн хватается за край плаща Дерика, чтобы нам не разойтись. Уже чувствуются звуки и запахи — ветерок доносит аромат жареного мяса, так что живот сводит.

— Куда теперь? — спрашивает Дерик, замирая.

Мы смотрим на Брайна, не понимая, что привело нас сюда. У меня только одна мысль: что-то продать. Найти старьёвщика, который позарится на нашу запылившуюся одежду или оружие.

Брайн чуть наклоняет голову набок. Лицо до ужаса сосредоточенное. Я понимаю, он прислушивается к гомону толпы.

— Дерик, чувствуешь аромат жареных пирожков?

Дерик ведёт носом. Сглатывает.

— Ага...

— Веди нас туда, где их продают.

Мы идём вдоль торговых рядов. Вскоре я начинаю различать крики:

— Горячие пирожки! Капуста! Мясо!

И аромат, такой дразнящий, наполнил горло.

— Потерпи, Летти, — совсем тихо произносит Брайн. Дёргает уголками губ.

— Что ты хочешь? У тебя здесь есть кто-то, кому ты доверяешь?

— Лучше...

Мы обходим лоточника, глазами пожирая горку румяных пирожков. Брайн подталкивает Дерика в сторону и тут я вижу... понимаю, куда так стремился попасть Брайн.

За прилавками есть небольшой пятачок, окружённый людьми. Слышатся возгласы:

— Бык, давай! Бей его!

— Вставай, Ворлок! Вставай, слабак!

Я застываю на мгновение. Прихожу в себя, когда Брайн дёргает меня за руку. Дерик подбирается ближе, спрашивает:

— Что там?

— Кулачные бои, — нервно сглатываю я.

Брайн же не это имел в виду, когда вёл нас сюда? Он действительно хочет драться?

Рёв толпы наполняет пространство. Все скандируют:

— Бык! Бык! Бык!

Мы подходим к самому краю круга. Мне не нужно протискиваться, чтобы увидеть огромного мужика, вскинувшего вверх кулаки, запачканные кровью. Народ расступается, и из круга выволакивают его противника. От человека осталось кровавое месиво. Вдребезги разбитое лицо. Рука повисла как плеть. Его подхватывают с двух сторон и оттаскивают в сторону.

— Кто ещё хочет показать свою силу? — кричит распорядитель. — На кону десять золотых! Есть тот, кто бросит вызов Быку?

Все затихают. Отхлыывают от круга.

— Слабаки! — сплёвывает Бык. — Трусливые крысы! Только и умеете, что трепаться по подворотням. Ну? Есть тут смельчак, кто заберёт эти монеты?

Он подкидывает на ладони золотые кругляшки.

Брайн отпускает мою руку. Я вцепляюсь в его ладонь. Это же безумие. В его состоянии — ввязаться в схватку. Брайн мягко отстраняет мои пальцы.

— Стой здесь, — только и бросает.

А потом делает шаг вперёд.

— Я. Хочу. Драться.

На мгновение все затихают.

— Ты слепой? — Бык ржёт. — Я убогих не трогаю.

— Хочешь проверить, насколько я убог? — голос Брайна спокойный, даже ленивый. — Давай. Что ты теряешь? Или боишься, что калека сможет побить тебя?

Несколько смешков в толпе. Бык кривится, а потом резко выбрасывает кулак, целясь в голову Брайна. Он уходит в сторону в самый последний момент.

Бык хмыкает.

— Пожалуй, это будет даже интересно. Что ставишь?

Брайн отвязывает кинжал от пояса.

— Арагонская сталь. Он стоит больше, чем десять золотых.

Бык подходит ближе, разглядывает. Окаливает зубы.

— Мне не нужен кинжал. К тому же я выручу за него не больше половины стоимости. Я хочу другое...

Его взгляд скользит по толпе. Останавливается на мне. Прищуривается. Язык проходит по нижней губе.

— Твоя девка? — он указывает на меня пальцем. — Хочу её на одну ночь.

У меня внутри всё холодеет. Кровь отливает от лица. Я уставилась в затылок Брайна мысленно посылая, чтобы он отказался от боя. Это уже совершенно не смешно.

— Струсил? Я и без того её возьму. Красивая. Я ей покажу, что значит быть с настоящим мужиком. А не таким убогим как ты.

Бык направляется ко мне, наслаждаясь своей вседозволенностью. Я бросаю взгляд по сторонам, но все отводят глаза. Словно никого это не касается.

Я кладу ладонь на рукоятку кинжала. Пусть только попробует дотронуться.

— Стой! — Брайн вцепляется в плечо Быка. — Сначала закончи со мной. Только после, как ты взмолишься о пощаде, я заберу свои деньги. И отрежу твой язык. Такие мои условия.

— Мой язык ночью будет ублажать твою девку. А ты подыхать в канаве...

Я дергаюсь, чтобы дотронуться до Брайна. Я не собираюсь быть разменной монетой в этой схватке. Какое-то безумие. Неужели он даже не допускает мысли, что может проиграть? Его самонадеянность может слишком дорого нам всем встать.

— Заканчивай трепаться, — Брайн шагнул в центр круга. Моя рука схватила воздух в том месте, где он только что стоял.

— Как тебя называть, убогий? Крот? Или крыса?

Брайн поводит плечами, разминая мышцы. А потом с ленивой грацией отвечает:

— Дракон.

Дорогие читатели!

Приглашаю в горячую историю нашего литмоба

"Проданная. Лекарка бывшего дракона" от Ольги Ли

<https://litnet.com/shrt/m-11>

Ольга Ли
"Проданная"
Лекарка бывшего

—
Я выходила др
влюбилас
А он... купил
спустя семь
Но о нашем ребё
должен зно

19

Я крепче прижимаю к себе Дерика и делаю шаг прочь от круга. Внутри плещется ярость и страх. Пальцами сжимаю рукоять кинжала — это создаёт мизерное ощущение безопасности. Что смогу постоять за себя и за сына.

По-хорошему, сейчас бы уйти и спрятаться. Ещё один шаг назад.

— Куда это ты собралась? — слышу позади хриплый голос. — Бык попросил присмотреть за тобой.

Тяжёлая рука ложится на плечо.

Я с отвращением сбрасываю её, получая в ответ едкий смешок.

Боги... если Брайн проиграет — я сама его убью. Впрочем, если выиграет — тоже.

Между тем противники сходятся в центре круга. Толпа вокруг гудит. Слышаться возгласы:

— Бык! Бык! Бык!

Брайн застывает в центре. Словно каменное изваяние. Бык обходит его, лениво, как хищник, уверенный в своей силе. Делает ложный выпад — кулак зависает у самого лица Брайна. Тот даже не шелохнется.

Бык усмехается.

— Ты заснул там, Дракон? Ну давай... шевелись!

Ещё один ложный выпад. И ещё.

Брайн стоит неподвижно, только голову чуть склоняет, прислушиваясь.

— Да что ты... — Бык теряет терпение. Замахивается.

Резкий удар — снизу-вверх, в челюсть.

Время словно замирает.

Кулак Быка летит в голову Брайна. Я уже готова увидеть, как он крушит кости черепа. Брызги крови, разлетающиеся по сторонам.

Смаргиваю. И ничего из этого не происходит.

Брайн уходит в сторону. Плавно, будто танцует. Кулак проносится мимо, едва не задев ухо. А Брайн наносит короткий, резкий удар в солнечное сплетение.

Бык выдыхает. С шумом, как порванный мех. Складывается пополам.

Толпа взрывается.

Бык выпрямляется, злой. Рычит, бросается вперёд, надеясь на массу. Но Брайн снова уходит — на полшага в сторону, пропускает удар мимо, а сам бьёт снизу, в челюсть.

Бык качнулся.

Толпа ревёт. Кто-то кричит «Дракон!», кто-то материт Быка.

— Да убей его! — орёт мужик слева.

Бык бросается снова, но теперь он злой, неуклюжий, потерял хладнокровие. Брайн ловит его руку, резко выворачивает. Раздается хруст и короткий вскрик. Второй удар в челюсть, третий — в висок.

Бык падает. Пытается подняться, но тут же падает. Кровь заливает лицо.

Тишина в толпе. А потом шквал выкриков и свист.

— Дракон! Дракон! Дракон!

Брайн распрямляет плечи. Говорит коротко, протягивая руку в сторону распорядителя.

— Золото.

Тот, побелев, отсчитывает монеты. Брайн прячет их в карман.

— И ещё, — добавляет он, — я сказал, что отрежу ему язык.

Толпа затихает.

— Ты не можешь... — начинает распорядитель.

— Могу.

Брайн наклоняется. В руке блестит кинжал. Бык мычит, пытается отползти, но Брайн наступая на его грудь.

Короткое движение. Бык дёргается, захлёбывается кровью, раздирает горло криком. Брайн вытирает кинжал о его рубаху, встаёт. Откидывает в песок срезанную плоть.

Толпу накрывает плотной тишиной, которую разрезают только хрипы Быка.

Брайн идёт в нашу сторону. Люди расступаются. Шарахаются.

— Легти, — произносит он, поравнявшись со мной. Протягивает руку.

У него пальцы в крови. Я медлю, оглушённая происходящим. Пальцы Брайна находят моё запястье, и он силой уводит нас прочь.

Останавливается недалеко от лоточника. Протягивает Дериду монету.

— Купи пирожков.

Тот сияет. Берёт монету и мчится к лотку.

Меня штормит внутри. Напряжение отпускает, и гнев выходит наружу.

— Как ты мог? — рычу я. — Как ты мог втянуть нас во всё это?!

— Он бы всё равно попытался забрать.

— Забрать?! — голос срывается. — Ты хоть понимаешь, что было, если бы ты проиграл?!

Нужно было уйти. Он бы не посмел. А ты все решил за нас, Брайн.

Он тяжело выдыхает.

— Я не проиграл. А Бык бы не отступился. Драка была неизбежной.

— Ненавижу тебя! Ненавижу за... — я задыхаюсь. Не могу договорить.

Вскидываю руку. Меня трясёт от ярости. Ладонь летит к щеке Брайна. Но тот перехватывает ее. Сжимает пальцы так, что больно.

— Никогда так не делай, — слишком спокойно говорит он, — Прости, что напугал. Но никогда не смей сомневаться во мне.

Он отпускает мои пальцы. Но между нами неосяземо искрит. Поднеси щепку — вспыхнет.

— Мам, какой пирог будешь? — приводит меня в чувство звонкий голос Дерика.

Я смотрю на свои запачканные руки. На ладони пятнышки засохшей крови, где меня касались пальцы Брайна. Как не велико чувство голода, я не могу есть такими руками. Качаю головой.

— Мне нужно привести себя в порядок. Пойдем, Дерик.

А потом оборачиваюсь к Брайну.

— У тебя теперь есть деньги. Наймешь провожатого до «Сердца Дракона». Нам больше не по пути.

Тот застывает, но не произносит и слова.

Вот и хорошо. Пора нам распрощаться, Брайн.

— Мам? — непонимающе вскрикивает Дерик.

Но я стискиваю его руку. И увожу прочь.

20

Мне большого труда стоит не оглянуться. Посмотреть, что делает Брайн. По-прежнему стоит там, где мы его оставили? Идёт за нами следом? Или повернул в другую сторону в поисках провожатого?

Впрочем, какая мне разница.

Но всё же свербит, требует проверить. И где-то в глубине души мне хочется, чтобы он был рядом. И мысленно клянусь себя за эту слабость.

Дерик хмуро идёт рядом, прижимая к себе кулёк с пирожками. В кармане у него отчётливо звенят монеты. От золотого должно много остаться. Нам хватит на ночлег и ужин.

Я замечаю вывеску гостевого дома и окликаю Дерика. Мысленно прикидываю расстояние. Ещё сотню шагов — и я смогу отдохнуть. Меня даже не столько голод беспокоит, сколько усталость. Боль от раны ушла на второй план.

Преодолеваю эту сотню шагов, опираясь на плечо Дерика. Гостевой дом respectable на вид. С портиком у входа. Дверь украшена резьбой. Я даже притормаживаю у порога. Слишком дорого для нас. Но искать другой нет сил. Дерик отдаёт мне деньги, и я быстро считаю монеты. На одну ночь точно хватит, а больше и не нужно.

Стряхиваю пыль с плаща. Приглаживаю волосы. Вздёргиваю подбородок, придавая себе уверенности.

— Наконец мы сможем отдохнуть и нормально поесть, — улыбаюсь Дериду.

Тот лишь хмуро смотрит исподлобья.

— Что не так?

— Как ты могла его оставить? — вспыхивает сын.

— Брайн вполне способен позаботиться о себе сам. У него теперь есть деньги. А нам нужно домой возвращаться. Я беспокоюсь, как там Кейн. Он ещё слишком молод, чтобы управлять селением.

— Кейн уже мужчина! Он зимой кабана принёс! И невеста у него есть! И он давно хочет... — Дерик замолкает.

— Занять место хозяина, — заканчиваю я.

Киваю собственным мыслям. Знаю, что это время скоро настанет. Что придётся отойти на второй план. Всё же настоящим хозяином был мой брат. Отец Кейна. Он приютил меня, когда я добралась до Огневки. В лохмотьях и с животом, не скрывавшим моё положение. У него в то лето жена умерла родами. Кейн остался сиротой. Я стала хозяйничать в доме брата в его отсутствие и очень старалась заменить Кейну мать.

— Давай отдохнём, а потом поговорим, — выдыхаю устало.

Дерик открывает дверь, и мы входим внутрь.

Вестибюль отделан лакированным деревом. За бархатным занавесом угадывается проход в зал. В углу висит мутноватое зеркало в тяжёлой раме — я мельком вижу своё отражение: бледное, осунувшееся лицо, тёмные круги под глазами.

Из-за стойки выходит мужчина. Дородный, с масляным лицом и безгловым взглядом. Окидывает нас с ног до головы, не скрывая гримасы.

— Работы нет. Ступайте, — пренебрежительно машет он рукой.

— Мне нужна комната, — говорю. И выкладываю на стойку две серебряшки.

Тот фыркает, даже не глядя на монеты.

— За две серебряшки я только вашу лошадь в стойло поставлю.

Я сжимаю челюсть. Достаю из кармана ещё одну монету.

— Три.

— Пять, — отрезает он. — И ужин за отдельную плату.

«Чтоб ты подавился», — мысленно восклицаю в сердцах. Достаю ещё две монеты и кидаю на стойку. Осталось три серебрушки и немного медяков.

— Горячей воды для умывания, — цежу сквозь зубы. — Как можно быстрее. Показывай комнату.

Он хмыкает, но монеты загребает. Берёт со стены ключ и идёт вперёд, не оглядываясь.

Комната оказывается на втором этаже. Просторная, со сводчатым потолком и большим окном, выходящим во внутренний двор. Кровать с резными столбиками, застелена пуховым одеялом. На столе — глиняный кувшин и два стакана. В углу — ширма, за которой угадывается лохань.

Добротно. Дорого. И в конце концов я заслужила немного роскоши.

— Горячий ужин ждет вас снизу. Воду сейчас подадут.

При мысли о наваристой похлебке подводит живот. Пирожки – это конечно хорошо, но хочется горячей пищи.

Воду и правда приносят спустя пару минут. От ведра поднимается пар. Заставляю Дерика умыться, потом тщательно умываюсь сама. Обнажаю плечо, ощупываю рану.

Повязка влажная на ощупь. На пальцах остается запах гноя. Плечо дёргает и лихорадит.

Нужно показаться лекарю. Надеюсь, завтра к вечеру доберёмся до Огневки. Там Борк, он любого на ноги поставит. А сейчас — хотя бы смазать заживляющей мазью.

В зале гостевого дома пахнет жареным луком и хлебом. Несколько постояльцев сидят за столами, не глядя в нашу сторону.

Я усаживаю Дерика, сама подхожу к стойке.

— Ужин на двоих, — говорю. — И скажите, где здесь можно найти аптекарскую лавку?

— Аптечная лавка за углом, через улицу. — равнодушно бросает хозяин.

Я возвращаюсь к столу, сажусь рядом с Дериком.

— Мне нужно уйти. Сейчас принесут ужин, начинай есть, не жди меня.

— Мам, ты куда? – всполошился Дерик.

— В аптечную лавку...

Подошла прислужница с подносом и поставила две чашки с рагу. Рот тут же наполнился слюной. Но если сяду за стол, потом точно не останется сил выйти на улицу.

— Ешь, — сказала я Дерику. — Я быстро.

Лавку нахожу быстро. Здесь идти всего ничего. Покупаю заживляющей мази и выхожу на улицу.

И вдруг сзади хватают. Чья-то рука сдавливает горло.

— Молчи, — шипит голос над ухом. — Будешь дёргаться — хуже будет.

21

Кинжал отбирают сразу. Меня подхватывают под руки и тянут вперёд, не давая ни секунды на передышку. Я, цепляясь за остатки упрямства, пытаюсь вывернуться, ударить, хотя бы замедлить их, но всё выходит слишком слабо. Кулак врежется в плечо, прямо по самой ране, и больно так, что искры из глаз.

Меня заводят в какой-то дом в самом конце улицы. Грубо пихают на пол. Прямо под ноги... Быку.

— Вот, — раздаётся голос надо мной. — Притащили.

Я с ужасом сглатываю, когда поднимаю голову и вижу его лицо — разбитое, опухшее, почти неузнаваемое. И кажется, что в нём не осталось ничего человеческого. Он хрипит, тыча в меня пальцем.

— Хг... гд...

— Спокойно, Бык, — лениво отзывается один из тех, кто меня держал. — Всё будет. Сделаем, как ты хотел.

Я сглатываю, с трудом заставляя себя говорить.

— Что вам нужно? Деньги? У меня нет...

— Разве? — усмехается мой похититель. — Там, где ты остановилась, нищих не привлекают. Но не это главное.

— Что тогда главное? — пытаюсь договориться.

Бык снова хрипит, размазывая кровь по губам. Его глаза — бешеные, злые — впиваются в меня. Тычет пальцем.

— Мы поняли, — говорит второй. — Пусть твой слепой приходит выкупать.

— Он не придёт, — из горла вырывается смешок. — Наши пути разошлись.

— А не придёт — мы тебя Быку оставим. Твой дружок изуродовал его. Должен кто-то ответить.

Бык скалит кровавый рот. Показывает грязным жестом, что бы он сделал со мной.

Я не выдерживаю. Дёргаюсь. Наверняка ужас застывает на лице.

— Ему не столько ты нужна, — спокойно объясняет один из дружков Быка. — Ему нужен твой мужик. Бык хочет посмотреть ему в глаза, когда тот будет просить пощады.

— Вы не понимаете, с кем связались. Он не будет просить.

— Будет. Если ты ему нужна. Ты видела, что он сделал с Быком? За такие вещи платят. Золотом и унижением. Возможно, его даже оставят в живых.

Он наклоняется ко мне, берёт за подбородок, заставляя смотреть вверх.

— Так что, красавица, сиди тихо. Если твой слепой сделает всё, как мы скажем — отпустим. А нет... — он разводит руками. — Сама понимаешь.

Они оставляют меня одну. Запирают дверь. Я слышу, как они что-то обсуждают в соседней комнате. Гремят бутылками. Ждут, когда придёт за мной Брайн.

Глупцы. Если бы знали, что я сама его прогнала. Да его, возможно, уже в городе нет.

Приваливаюсь спиной к стене. Над потолком — узкое окно. Если приглядеться, видно звёзды.

Переживаю, как там Дерик. Наверняка места себе не находит. Хорошо, что я деньги оставила в комнате. Он сможет вернуться домой.

А я... лучше не думать.

Я так измождена, что на меня напало оцепенение и полная апатия. Что бы ни произошло, пусть скорее закончится. Это ожидание лишь изматывает сильнее.

Я обхватываю себя руками. Дрожь сотрясает тело. Запахиваю плащ на груди, сжимаюсь в комочек. Перед глазами всё плывёт — такое чувство, что ухожу под воду.

Выныриваю на поверхность, когда тон голосов за стеной меняется.
Вскрик. Глухой удар. Звон разбитого стекла.
Что там, Тьма, происходит?
И на миг — надежда. Брайн.
Но это же невозможно.
Но сердце от этой мысли бьётся сильнее в груди. Я вскакиваю на ноги, прислушиваюсь.
Пытаюсь уловить знакомый голос. Хоть что-то, что подтвердило бы мою догадку.
Иначе без этой надежды просто невыносимо жить.
Крик. Ещё один. Что-то снова грохочет.
И наступает тишина.
Такая плотная, что в ней звенит воздух.
Я не двигаюсь, боясь даже вдохнуть громче.
Отчётливо слышу шаги.
Они приближаются. Останавливаются у самой двери.
На секунду всё замирает.
Потом слышится скрежет. Замок поддаётся. Дверь открывается.
На пороге стоит Брайн.

22

Я не смотрю по сторонам, когда Брайн выводит меня на улицу. Но запах крови ощущаю отчетливо.

Меня начинает трясти уже через несколько шагов. Сначала едва заметно, а потом так, что я больше не могу держаться. Просто утыкаюсь ему в грудь и срываюсь в рыдания. Захлёбываюсь, цепляюсь за него, словно если отпущу — снова провалюсь туда, в тот дом, в ту темноту.

Он ничего не говорит. Только гладит по волосам — медленно и осторожно.

Когда последний всхлип срывается с губ, я резко отстраняюсь, будто вспомнив, кто он такой.

— Зачем ты снова появился в моей жизни, Брайн Эдхерт? — голос всё ещё дрожит, но в нём уже проступает злость. — Я жила спокойно. Я была... счастлива. А ты опять всё перевернул.

Я бью его кулачками в грудь — не сильно, но отчаянно, как будто это может что-то изменить. Он даже не шевелится. Стоит, как каменный, и просто ждёт, пока меня отпустит.

И это бесит ещё сильнее.

Сил хватает только на то, чтобы выдохнуть:

— Нужно возвращаться... там Дерик один.

— Я здесь, мам...

Голос раздаётся из темноты так неожиданно, что я вздрагиваю. Дерик выныривает из тени растущего у дома дерева.

— Ты притащил с собой ребенка! — шиплю.

— Я не ребенок, — вскидывается Дерик.

— А если бы с тобой что-то случилось? — я уже не выдерживаю. — Как вы вообще нашли меня?

— Дерик привёл меня, — спокойно отвечает Брайн. — Пойдём. По дороге поговорим.

Идти тяжело — ноги подкашиваются, плечо ноет, но я упрямо держусь.

Брайн коротко рассказывает, как от рыночной площади все время шел за нами. И в гостевом доме снял комнату по соседству. А после, в зале мы с ним чудом разошлись. Я ушла в аптечную лавку, а Брайн спустился вниз. Дерик увидел его и позвал за столик.

А потом прибежал мальчишка с запиской. В ней указано место и сумма. Угроза, расправится со мной, если Брайн не придет.

Мы доходим до гостевого дома. Брайн стучит. Хозяин открывает, раздраженно оглядывает нас.

— У меня не проходной двор, — начинает он ворчливо, но не успевает договорить.

Брайн перебивает его коротко и жёстко:

— Горячее питьё и еду. В её комнату.

И суёт ему монету.

Тот моментально меняется в лице, бормочет что-то невнятное и отступает в сторону.

Мы поднимаемся вверх. В комнате тепло, но меня всё равно знобит.

Я сажусь на край кровати, чувствуя, как усталость накрывает тяжёлой волной.

Через несколько минут появляется заспанная служанка, приносит кувшин с горячим отваром и тарелку с нехитрой едой.

Я почти не чувствую вкуса. Ковыряюсь в тарелке, потом просто наливаю себе полный стакан и пью, жадно, до дна, ощущая, как тепло медленно разливается внутри.

— Давай спать... — бормочу сыну, уже почти не соображая.

С трудом стаскиваю с себя платье и падаю на постель.

Ночь превращается в бесконечную череду кошмаров.

Я то проваливаюсь в ледяную пустоту, где невозможно вдохнуть, то оказываюсь в огне, который обжигает кожу, но не даёт умереть. Где-то между этим слышатся голоса, крики, хриплый смех Быка... и шаги, которые всё ближе.

И сразу понимаю, что не одна.

Надо мной склоняется Брайн.

Сорочка сползла с плеча, оголяя рану. Его лицо слишком близко. Он чуть наклоняет голову, принюхиваясь.

Я хмурюсь, пытаюсь сфокусироваться.

— Что ты здесь делаешь?..

— Ты кричала во сне, меня Дерик позвал. Рана загноилась, — спокойно отвечает он, отстраняясь. — Я пошлю за врачом.

Он аккуратно поправляет сорочку, скрывая плечо.

Я резко качаю головой.

— Не нужно. Мы сегодня возвращаемся домой. Там Борк...

Пытаюсь приподняться, но мир тут же качается, и на секунду всё плывёт перед глазами.

— Нет, — отрезает Брайн так, что я замираю. — В Огневку ты не вернёшься, Летти.

Я медленно поднимаю на него взгляд.

— Как только тебе станет лучше, — продолжает он, и голос его становится жёстче, — вы вернётесь со мной. В «Сердце Дракона».

— Ты не можешь меня заставить...

— Могу. Ты кое-чего не знаешь, Летти...

23

Я хочу спросить: что я не знаю? Какие ещё секреты ты держишь, Брайн?

Но тот касается кончиком пальца моих губ, мягко, но настойчиво, чуть нажимая на нижнюю, словно запрещаая задавать лишние вопросы.

— Ты всё узнаешь, Летти, — произносит он негромко. — Но сначала нужно поставить тебя на ноги.

Мне не нравятся секреты. Никогда не нравились. Особенно те, которые могут перевернуть мою жизнь в один момент. Но сейчас... сейчас у меня нет ни сил, ни желания бороться. Только тянуть время, пока не уйдет тупая и раздражающая боль в плече.

— Где Дерик? — спрашиваю, поворачивая голову. И тут же морщусь от боли.

— Я отправил его вниз, заказать завтрак, — спокойно отвечает Брайн. — Не переживай за него. Он у тебя уже не ребёнок и вполне способен справиться с такой мелочью.

Я тихо хмыкаю про себя.

Кажется, я и правда стала наседкой. А может... просто слишком долго была одна. Слишком долго всё держала на себе.

И сейчас это странное ощущение — когда можно отпустить, хотя бы на мгновение, позволить кому-то другому взять ответственность — пугает и одновременно тянет.

Хочется просто уткнуться в подушку и не думать ни о чём.

— Спи, Летти. Ещё рано, — Брайн перебирает пальцами мои волосы.

И это уносит меня в прошлое. Он всегда любил играть с моими прядями. Пропускать сквозь пальцы, накручивать на палец. Говорил, что мои волосы как расплавленное золото.

Я и правда погружаюсь в дремоту. А когда выныриваю, чувствую, как чьи-то пальцы аккуратно касаются раны. В нос ударяет аромат лекарственных трав.

— Вашей жене нужен покой, — говорит незнакомый мужской голос. — Рана загноилась. Я очистил её от гноя, промыл отваром и наложил мазь с охлаждающим эффектом. Повязку придётся менять дважды в день, иначе воспаление усилится.

Я мысленно фыркаю.

Жене.

Мазь холодит кожу, и боль постепенно отступает, становясь глухой и терпимой.

— Посмотрите мои глаза, — слышу голос Брайна.

Приподнимаю голову, чтобы увидеть, как Брайн стаскивает повязку с глаз. Кожа вокруг век шелушится, но брови начали отрастать. Он выглядит... почти нормально.

— Что-то можно сделать? — Брайн прерывает затянувшееся молчание.

Лекарь молчит чуть дольше, чем нужно.

— Это... драконий огонь? — осторожно спрашивает он.

— Да, — коротко бросает Брайн.

И в этом «да» — раздражение, усталость и едва сдерживаемая злость.

Лекарь мнётся, явно не желая говорить вслух то, что уже понял.

— Повреждения... серьёзные. Огонь, скорее всего, затронул не только веки, но и сами глаза. Я... боюсь, что обычные средства здесь бессильны.

Брайн сдержанно рычит, когда лекарь пытается приоткрыть ему веки. Тот испуганно убирает пальцы.

— Вы же тоже... — лекарь вдруг осекается, но всё же продолжает, — дракон? Тогда почему огонь так подействовал на вас? Ваш дракон... он...

— Довольно, — резко обрывает его Брайн.

Воздух в комнате словно густеет.

— У вас есть средство или нет?

— Нет. И никто не сможет помочь. Разве что... — он колеблется, — если ваша жена — истинная. Сила истинной пары иногда способна исцелить даже такие раны.

Я невольно перевожу взгляд на Брайна. Он усмехается коротко и холодно.

— Возьмите плату, — он протягивает монету. — И забудьте, что были здесь.

Лекарь кивает. Суетливо убирает деньги в карман. Видно, что ему хочется побыстрее уйти.

Я медленно поднимаюсь, когда за лекарем закрывается дверь. Удерживаю одеяло на груди. Бросаю взгляд на стул, куда вчера повесила платье. Пусто.

— Где мои вещи?

— Прислуга забрала почистить и постирать, — Брайн поворачивается ко мне. — Летти... тут завтрак, почти остыл правда. Тебе нужно поесть как следует. О Дерике не беспокойся, он сейчас на заднем дворе. Там сука оценилась, он пошёл щенков посмотреть.

Я хмыкаю. Какая забота.

Смотрю на Брайна. Стоит, прислонившись спиной к стене. Руки сложил на груди. Так и будет меня караулить?

— Ты не мог бы оставить меня одну?

Он чуть дёргается.

— Я буду рядом. Ты поешь и ложишься. Я зайду попозже.

Я наблюдаю, как он выходит. Протягивает руку, натываясь на дверь. Уверенно находит ручку. Надо признать, он прекрасно ориентируется. Прямо-таки излучает уверенность. И это притягивает. Как и его забота. Откликается в моём сердце.

Что от себя скрывать — я слишком долго была одна. Рассчитывала только на себя. Жила размеренной жизнью. А с Брайном словно по краю обрыва хожу. Но при этом знаю — не даст упасть.

Кутаюсь в одеяло и медленно ем.

Возвращается Дерик. С восторгом рассказывает про щенков. Про то, как подружился с мальчишкой-посыльным. Выхватывает два пирожка и говорит, что угостит нового друга.

— Вижу, тебе здесь нравится, — замечаю ворчливо. — По дому не соскучился?

— Немного, — признаётся он, но тут же добавляет, — но я хочу поехать в «Сердце Дракона».

Вот еще, выдумал!

— Нет, — поджимаю губы.

Одна мысль вернуться в замок вызывает оторопь. Слишком много воспоминаний. Слишком много разрушенных надежд. Мысль, что Брайна выйдет встречать Каталина. Что выскочит навстречу его законный сын. Всё это вызывает отторжение в груди.

Ничего не прошло. Сердце по-прежнему ноет. Неужели Брайн этого не понимает? Не понимает, как ранит сама мысль об этом? Мысль, что он принадлежит другой. Что у него есть сын. Что я там — лишняя.

— Мам? Что с тобой? Ты плачешь?

Я стираю слезинку с щеки. Что-то я совсем раскисла.

— Тебе показалось, — через силу улыбаюсь.

Дерик убегает, а я снова ложусь в постель. Мысленно перебираю разговор Брайна с лекарем. Драконий огонь не должен калечить дракона.

Не так. Не настолько.

Значит...

С его драконом что-то не так

24

Я постоянно кручу эту мысль в голове. Складываю картинку и так, и эдак. Само появление Брайна на пороге моего дома сродни чуду. Сама мысль, что на высшего дракона Элларии могли напасть, слишком безумна.

Высший дракон Элларии, тот, чьё имя произносили с уважением и страхом, не мог просто так оказаться раненым, ослеплённым, загнанным, как дикий зверь. И если на него действительно напали архи, то почему он не отбился? Почему позволил довести себя до такого состояния?

Но ясно как день: кто-то хотел, чтобы всё выглядело именно так. Поэтому потом и преследовали. Гнали как дикого раненого зверя по лесу, чтобы добить. И кто знает — наверняка до сих пор ищут. И значит, нельзя долго сидеть на одном месте. Если ищут, то обязательно найдут. И лучше Брайну отправиться в «Сердце Дракона», а не возиться тут со мной.

Обед приносят к нам в комнату. Брайн появляется одновременно с прислугой. Молча ждёт, пока она расставит на столе тарелки и уйдёт.

— Садись, Летти. Нужно поесть, пока горячее, — зовёт он.

Густой маслянистый аромат наполняет комнату. Я заворачиваюсь в одеяло и подхожу к столу. Брайн не поскупился на еду. Здесь столько всего, что хватит накормить ещё несколько человек.

Я не заставляю себя уговаривать. С наслаждением ем мясное рагу. На тонкий кусок хлеба намазываю толстый слой паштета.

Брайн легко улыбается. Явно улавливает, с каким аппетитом я ем.

— Всегда любил смотреть, как ты ешь, — добавляет он. — Ты словно наслаждаешься каждым кусочком.

— Потому что знаю цену этому наслаждению. Бывали времена, когда мы были рады и жидкой похлёбке из кореньев и жмыха, а в особенно неурожайные годы собирали жёлуди, перемалывали их в муку, варили горькую кашу и делали вид, что это еда, а не способ просто не умереть с голоду.

Брайн молчит. Прикусывает губу.

— Обещаю, вам больше не придётся голодать. Как только мы вернёмся в «Сердце Дракона»...

— И что ты сделаешь, Брайн Эдхерт? — спрашиваю почти спокойно, хотя внутри уже поднимается знакомая волна раздражения. — Напомню, я больше не принадлежу тебе. Ты не имеешь права просить меня ехать с тобой. Ни уговаривать, ни приказывать. И уж тем более не рассчитывать, что я сама захочу переступить порог этого замка.

Откидываюсь на спинку стула, придерживая на груди одеяло. Чуть заметно хмыкаю.

Что? Нечем крыть, Брайн Эдхерт?

— Я не собираюсь тебя упрашивать, — бросает он. — Ты поедешь по своей воле. Как моя...

Сердце замирает в груди. Я вдруг понимаю, что он сейчас произнесёт.

— Как моя жена, — резко выдыхает Брайн.

— Я больше не твоя жена, — отзываюсь я, чувствуя, как внутри поднимается холод. — Я подписала отказ. От имени. От тебя. От всего.

— Это не так, — его голос звучит ровно, почти безэмоционально, но именно это и настоятельно поражает сильнее всего. — Развод не был завершён. Потому что все решили, что ты погибла.

Я резко качаю головой.

— Нет. Это невозможно.

— В лесу нашли тело, — голос Брайна становится глухим, почти безжизненным. — Точнее, то, что от него осталось. Плоть почти полностью обглодали звери. Но на пальце было кольцо. Твое кольцо. То, что я надел на тебя в день свадьбы.

Я замираю, а потом резко выдыхаю:

— Я выбросила его. Недалеко от обители. Я не хотела там оставаться. Подумала, вдруг я...

Слова сами срываются с губ, но на последней фразе я осекаюсь, прикусывая язык.

Потому что помню. Слишком хорошо помню тот момент, когда стояла среди кустов, сжимая кольцо в ладони, и думала о том, что если во мне уже зародилась жизнь после нашей последней ночи, то в обители у меня не будет ни шанса её сохранить. Что ребёнка у меня просто отберут. Что меня сломают окончательно.

И именно тогда я и решилась бежать.

— Ты не представляешь, что было со мной, когда мне принесли то, что осталось от “тебя”, — голос Брайна становится ниже и глуше. Словно он говорит не со мной, а с тем воспоминанием, от которого до сих пор не может избавиться. — Я разнёс зал, в котором это показали. Камень крошился под руками. Стражу отбрасывало к стенам. Я не помню, сколько длилось это безумие... Помню только, что остановился, когда вокруг уже нечего было ломать.

Он усмехается коротко, без радости.

— И знаешь, что меня спасло? Только одно. Какая-то упрямая, нелепая уверенность, что это не ты. Что произошла ошибка.

Я смотрю на него и чувствую, как внутри всё болезненно сжимается.

— Разве тебе не должно было быть всё равно? — спрашиваю тихо. — У тебя была новая жена. Истинная. Та, что носила твоего ребёнка.

— Она не смогла заменить мне тебя. Мой дракон принял её. Но не моё сердце.

У меня перехватывает дыхание. Это слишком больно слышать. Но боги сами всё решили за нас.

Я отвожу взгляд, сжимаю пальцами край одеяла, пытаюсь удержать себя в равновесии.

— Если я и вернусь с тобой в «Сердце Дракона», — произношу глухо, — то только для того, чтобы закончить то, что не было закончено. Чтобы развестись. Окончательно.

25

Рано утром Дерик и Брайн отправляются на рынок — купить лошадей и немного запасов в дорогу.

А я всё ума не приложу, как согласилась ехать с ним в замок. Сначала просто разозлилась, что всё так вышло. Сама мысль, что мы до сих пор связаны, вызывает оторопь. Я и ляпнула сгоряча, что готова ехать в замок, лишь бы избавиться от него. А тут как раз Дерик вошёл. И сразу с порога:

— Мама, ты согласилась? Мы едем в «Сердце Дракона»?

И столько радости в глазах.

— Нет, — произношу глухо.

— Да, — одновременно со мной говорит Брайн.

Я стреляю в него сердитым взглядом. Да только он всё равно не видит. Лишь изгибает губы в довольной улыбке.

— Остановимся в Мирии, оттуда до замка рукой подать. Там же и решим все наши вопросы, — соглашаюсь скрепя сердце.

Дерик подпрыгивает на месте от счастья. Как же, такое приключение намечается. Будет о чем потом мальчишкам хвастаться.

— Но на замок же можно будет посмотреть? Одним глазком? И на драконью гвардию? Правда, что у них бордовые плащи с серебряной застёжкой в виде головы дракона? А сам высший дракон? Мы увидим его? Он же наверняка выпускает своего зверя на волю?

Я хватаюсь за голову. Нет, не нужно было так опрометчиво бросаться словами.

— Я всё покажу. Уверен, тебе там понравится, — поддакивает Брайн.

— Дерик, иди мой руки и обедать, — перебиваю я, не давая им продолжить.

Он уносится за ширму, а я сразу же поворачиваюсь к Брайну.

— Не нужно ничего ему обещать, — шиплю я. — Я не переступлю порог твоего замка. Как ты вообще себе всё это представляешь? Каталина наверняка будет в бешенстве, когда меня увидит.

— Каталина — моя забота! — Брайн поджимает губы и добавляет мягче: — Обещаю, вы не встретитесь с ней. Тебе не о чем волноваться.

— Как у тебя всё просто.

Разговор обрывается сам собой.

Дерик возвращается — взъерошенный, с мокрыми волосами, с которых капает вода. Он плюхается за стол и с таким аппетитом набрасывается на еду, что невольно вызывает у меня улыбку.

Перед ним — мясо, хлеб, закуски, сладости. У нас дома такое изобилие бывало только по большим праздникам.

Меня от сытой еды клонит в сон. Я тихо встаю и перебираюсь на кровать. Сон сейчас — единственное, что может вернуть силы.

И я почти сразу проваливаюсь в него.

Просыпаюсь уже вечером от мягкого прикосновения.

Пальцы Брайна осторожно касаются моего плеча, и в воздухе разливается знакомый травяной запах мази.

— Зачем... — тихо возмущаюсь, не открывая глаз. — Я бы Дерику попросила.

Но возмущение выходит слабым. Потому что его прикосновения слишком... приятные.

Он словно нарочно не спешит, медленно втирает мазь, разогревая кожу, и от этого по телу разливается уютное тепло.

— Дерик спит. А мне не сложно. К тому же я хочу позаботиться о тебе. Это всё моя вина. Я не смог защитить свою женщину.

— Я не твоя... — выдыхаю почти шёпотом.

— Ты моя жена, — упрямо, почти жёстко отвечает он.

Я лишь вздыхаю. Пусть так. Но ведь недолго осталось.

Брайн аккуратно закрепляет повязку. Его пальцы скользят по моей руке, поправляют сорочку, задевают кожу у основания шеи, и я невольно замираю.

— Хочу увидеть тебя, — тихо говорит он.

— Я изменилась, Брайн. Все же десять лет прошло. Я уже не та юная девушка, что смотрела на всё наивными глазами.

Я вдруг остро думаю об этом. И злюсь на себя, что меня это заботит. Моя кожа загорела, руки стали грубее, в уголках глаз появились тонкие морщинки. Я больше не та. И рядом с яркой, безупречной Каталиной я, наверное, выгляжу бледно.

Но в конце концов мне должно быть всё равно. Какое мне дело, понравилась бы я ему такая, как сейчас, или нет? Но всё же это вертится в голове. Как назойливая муха.

А Брайн тихонько поглаживает меня кончиками пальцев по обнажённой коже чуть выше ворота сорочки.

— Ты теперь стала привлекательной женщиной. Думаешь, я не чувствую, как на тебя смотрят другие мужчины?

Я легко смеюсь. Особого внимания к себе я не замечала. Как-то не до того было, чтобы глазеть по сторонам.

— Ты слишком много замечаешь для слепого.

— У меня звериное чутьё. Я замечаю то, что нельзя увидеть глазами.

Я приподнимаюсь на локтях. Вдруг думаю — сейчас самый удачный момент, чтобы спросить.

— Что с твоим зверем? — спрашиваю прямо. — Ты уже должен был восстановиться. Почему ты не обращаешься?

Его рука замирает.

А потом он медленно убирает её, и сразу становится холодно.

— У меня больше нет прежней силы, — произносит он глухо. — Я не могу обратиться. Я не сразу понимаю смысл сказанного.

— Что?..

— Высший дракон Элларии без своего дракона, — усмехается он безразлично. — Забавно, правда?

— Но... почему?

Он молчит несколько секунд.

— Это была моя дань Светлоликому.

— За что?..

Я не успеваю договорить. Он касается пальцами моих губ, мягко, но настойчиво заставляя замолчать.

— Спи. Завтра утром отправимся в путь.

Он встаёт, уходит к двери.

Я долго не могу уснуть. Ворочаюсь, переваривая услышанное. Брайн — высший дракон — не может обратиться. Как такое возможно? О какой дани он говорил?

Утром я спускаюсь вниз. Хочется проветриться, размять ноги. Заодно посмотреть, каких лошадей приведет Брайн.

У стойки, возле хозяина, стоят двое крепких мужчин в черных плащах. Говорят тихо, но я слышу обрывки разговора, когда прохожу мимо:

— ...не останавливался ли у вас слепой мужчина? С женщиной и ребёнком.

26

Сердце колотится так, будто хочет вырваться из груди. Я не поворачиваю голову, даже не дышу в сторону стойки. Светлые волосы, которые я не успела спрятать, сейчас кажутся предательски яркими.

Резко накидываю капюшон, пряча лицо в тени.

— Нет его здесь, — громко и нарочито равнодушно говорит хозяин. — Уехал рано утром. У меня приличное заведение, неприятности мне ни к чему.

Последние слова явно для меня. «Убирайся поскорее, женщина, и решай свои проблемы за порогом».

Я выскальзываю на улицу. На привязи стоят две лошади. Холёные, тонконогие, шунгарской породы. Такие у нас на севере почти не встретишь — слишком дорогие и капризные для наших каменистых дорог. А вот в южных провинциях их разводят только для знати и воинов.

Быстро оглядываюсь. Никто не преследует меня. Мужчины выходят из гостевого дома. Подходят к своим лошадям, что-то обсуждают. Садятся в сёдла и поворачивают вправо — напрямик к рынку. Туда же, где сейчас Брайн и Дерик выбирают лошадей.

Тьма их заberi!

У меня есть крошечное преимущество — я знаю короткий путь. Срезаю через узкий, вонючий переулок, где толпятся люди, и почти бегом несусь к дальнему краю рынка, где торгуют рабочей скотиной.

У меня вырывается вздох облегчения, когда я замечаю Брайна и Дерика. Сын поглаживает по морде каурую кобылку и что-то ласково шепчет ей. Брайн ощупывает сёдла, сваленные в кучу в углу. Рядом с ним торговец машет руками, что-то предлагая.

— Выбрал, дорогой? — мурлыкаю я, подходя вплотную и кладя ладонь ему на предплечье. — Нам стоит поторопиться.

Брайн напрягается. Моё «дорогой» уж точно не вводит его в заблуждение. Скорее позволяет отнестись к моим словам серьёзно.

— Да... пожалуй, возьму вот эти...

Он быстро даёт указания торговцу. Расплачивается, и мы тут же начинаем седлать наших лошадей.

— Мам... я свою Морковкой назвал, — Дерик сияет, похлопывая кобылку по шее. — Смотри, какая она забавная.

Лошадка фыркает в ответ на его слова, трясёт гривой. Действительно, забавная. Невысокая, с крепким крупом. Дерик будет удобно на ней.

— Готовы?

Брайн проверяет каждую подпругу, каждую пряжку. Я терплю — знаю эту его привычку держать всё под контролем.

— Хорошая работа, — говорит он. — А теперь давайте выбираться отсюда. Возвращаться в гостевой дом я так полагаю, уже не стоит?

— Не стоит... нужно уходить из города, — шепчу я.

Мы выводим лошадей из рыночной толчеи пешком — так быстрее и незаметнее. Дерик идёт чуть впереди, ведя свою Морковку в поводу и болтая с ней, как с лучшим другом. Мы с Брайном следом. Я держусь за его локоть, будто любящая жена, но пальцы у меня дрожат.

Городские ворота уже близко.

И тут я замечаю всадников на лошадках шунгарской породы. Мгновенно узнаю их, и сердце заходится в панике.

Они едут нам навстречу — медленно, внимательно вглядываясь в лица прохожих. Осталось всего ничего, и они заметят нас.

Время сжимается.

Дерик всё ещё идёт впереди, в десяти шагах, болтает с лошадкой и ничего не замечает. Лошади наши рядом, в поводу. Если мы сейчас рванём — они увидят. Если остановимся — тоже.

Остаётся только одно.

Я резко притягиваю Брайна к себе за ворот рубахи. Он не успевает даже удивиться. Встаю на цыпочки и впиваюсь в его губы жёстким, отчаянным поцелуем. Запускаю пальцы в волосы, притягивая ближе.

Он замирает на долю секунды. А потом понимает. Руки мгновенно обхватывают меня за талию, прижимают сильнее, будто мы — обычная пара, которая не может оторваться друг от друга посреди улицы. Его губы отвечают горячо и жадно, почти зло.

И все совсем не так, как я планировала. Просто прикоснуться губами к его губам... а выходит так, со всей страстью. По-настоящему. Сметая все десять лет разлуки.

На миг прикрываю глаза, не в силах бороться с собой... это же все не по-настоящему. Для дела. Но просто на миг вернуться в прошлое, когда казалось, наша жизнь только начинается.

Преследователи проезжают мимо.

Один из них бросает на нас равнодушный взгляд — просто очередная целующаяся парочка. Второй даже не смотрит: слишком занят поиском «слепого с женщиной и мальчишкой».

Только когда стук копыт затихает за спиной, я отрываюсь от Брайна. Губы горят. Дыхание сбивается.

А он совсем не спешит меня отпускать.

— Летти... — хрипло выдыхает он. В голосе одновременно и вопрос, и предупреждение, и что-то такое, от чего у меня внутри всё переворачивается.

Я сглатываю.

— Это ничего не значит. Там были люди, которые искали нас.

Я оглядываюсь на Дерика. От мысли, что он все видел, становится душно.

Дерик стоит в трёх шагах, широко распахнув глаза. Морковка тычется ему в плечо, а он смотрит на нас так, будто увидел, как мы превратились в драконов.

— Мам? — тянет растерянно.

Я отпускаю Брайна, хотя руки всё ещё дрожат. Подхожу к сыну, пытаюсь улыбнуться:

— Это была просто... маскировка. Чтобы нас не узнали плохие люди.

— Ага... — тянет сын недоверчиво, но в глазах уже загорается озорной огонёк. — А поцелуй был очень убедительный.

Брайн издаёт короткий, хриплый смешок. Я краснею до кончиков ушей.

— Всё совсем не так... и вообще, — резко говорю я, чтобы прервать этот неловкий момент. — Нам нужно выехать из города, пока они не вернулись.

Я быстро отворачиваюсь, чтобы не видеть довольного выражения на лице Брайна и этого понимающего, слишком взрослого взгляда Дерика.

Чтобы сын не решил, что между нами что-то возможно.

27

До «Сердца Дракона» два дня пути, если ехать по торговому тракту. А если окольным путём — то лишний день. Зато меньше любопытных глаз и крупных селений. Вся дорога идёт через лес и мелкие деревеньки. В одной из таких мы и покупаем провизию в дорогу.

Брайн с Дериком едут впереди. Дерик всё расспрашивает про «Сердце Дракона» — так не терпится его увидеть. А потом разговор и вовсе переходит на его владельца.

Мне смешно и грустно одновременно это слушать. Да и Брайну явно неловко говорить о себе словно о постороннем. Но Дерик не отстаёт.

— А ты видел высшего дракона? — спрашивает Дерик. В его голосе столько искреннего восторга, что у меня невольно сжимается сердце. — Какой он?

Брайн отвечает не сразу.

— Он... обычный мужчина. Такой же, как я.

— Тоже скажешь, — Дерик тихо усмехается, явно не веря ни единому слову. — Он не может быть обычным. От одного его взгляда у врагов кровь стынет в жилах. А когда он принимает облик зверя, его крылья закрывают солнце.

Брайн коротко смеётся.

— Легенды любят приукрашивать.

— Пусть, — не сдаётся Дерик. — Но я бы многое отдал, чтобы увидеть его дракона. Хоть издали. Я бы и сам хотел быть таким. Иметь своего зверя.

Дерик задирает голову и смотрит на клочок голубого неба, мелькающего в кронах деревьев.

Сердце у меня сжимается так сильно, что на миг перехватывает дыхание. Я отворачиваюсь и делаю вид, что поправляю седельную сумку.

Боги, если бы он знал, что его желание осуществимо. Но тогда я потеряю своего сына. Брайн никогда его не отпустит. Да и сам Дерик не захочет возвращаться в селение на краю королевства.

Я ощущаю это так остро, что внутри всё болит. Словно стрела попала внутрь. Только от этой раны никакая мазь не поможет.

Брайн молчит. И меня пронзает мысль, что он догадался. Понял, что Дерик — его сын. Поэтому так упорно и везёт нас в «Сердце Дракона». Там он будет на своем месте. Хозяином. Сможет сделать с нами всё что угодно. Оставить рядом с собой сына. И я совсем не уверена, что Дерик выберет меня. Он уже слишком взрослый, чтобы держаться за мамкину юбку. Это мне будет без него плохо. И это я буду сходить с ума от беспокойства. А перед ним откроются большие перспективы. Положение в обществе. Хотя, как примут второго сына отвергнутой жены — тот ещё вопрос. Но Брайн в обиду точно не даст.

Если выживет.

А если с ним что-то случится? Дерик будет мешать. Прежде всего Каталине и её сыну.

Эти мысли терзают меня, и я почти не вслушиваюсь в тихий разговор Брайна с Дериком. Только понимаю: Брайн что-то рассказывает о сражениях, в каких побывал. А Дерик восторженно переспрашивает.

К ночи мы добираемся до небольшой деревушки. Хозяева за мелкую монету уступают нам на ночлег сарай, наполненный сеном. Хозяйка выносит кувшин с молоком и половину пшеничного каравая. Дерик быстро уминает свою долю и тут же засыпает, завернувшись в плащ.

Я лежу молча, прижавшись к его спине. Брайн чуть в стороне, но всё равно слишком близко. Я остро ощущаю его присутствие. И этот полумрак нас только сближает.

— Дерик — мой сын, — вдруг громким шепотом произносит он.

Это даже не вопрос. Утверждение.

Если честно, я давно ждала, когда он это скажет. Но всё равно вздрагиваю от неожиданности.

Промолчать? Что тут ответишь. Глупо отрицать очевидное.

— Он должен пройти ритуал, — продолжает Брайн. Так, словно всё решил.

Я резко сажусь. Плечо простреливает болью, но я даже не морщусь.

— Нет.

Поворачиваюсь в его сторону, хотя в темноте вижу только силуэт.

— Нет, Брайн. Ему это не нужно. Кем он станет? Вторым сыном от неугодной жены? Будет служить твоему старшему? А если с тобой что-то случится? Если тебя... — голос срыгается. Я сжимаю кулаки. — Я не отдам его на растерзание вашему двору. Он будет жить со мной. В безопасности. Простым человеком.

Выдыхаю, прижимая ладонь к губам. Только бы Дерик не проснулся и не услышал нашу перепалку.

Но в следующую секунду Брайн дергает меня на себя. Нависает надо мной — тяжёлый и горячий. Я чувствую его жаркое дыхание прямо у своих губ.

— Я не знаю, что сейчас происходит, — рычит он мне в лицо. — Кто-то явно намерен меня уничтожить. Но я разберусь. Клянусь тебе, Летти. Я разберусь. И мой сын займёт достойное место рядом со мной.

Его пальцы впиваются в мои волосы, чуть запрокидывая голову. Не больно. Но так, что я не могу отвести взгляд от его лица. И такое ощущение, что он силится меня рассмотреть сквозь сомкнутые веки.

— А ты... — голос становится ниже, почти шёпотом. — Я сделаю всё, чтобы ты осталась.

Сердце бьётся где-то в горле. Я чувствую каждую мышцу его тела, прижатого ко мне. Чувствую, как он дрожит от ярости и желания одновременно.

— А как же Каталина? — выдыхаю я ему в губы. — Что ты ей скажешь, Брайн? «Прости, любовь моя, но я нашёл свою первую жену и нашего общего ребёнка»?

Он замирает. Тяжело дышит мне в лицо.

Я упираюсь ладонями ему в грудь, пытаюсь оттолкнуть, но он не сдвигается ни на дюйм.

Я продолжаю, не давая ему ответить:

— Ты уже один раз выбрал. Выбрал её. Выбрал своего «законного» наследника. А теперь хочешь, чтобы я снова поверила твоим клятвам? Чтобы я отдала тебе сына, и сама легла обратно в твою постель, как будто этих десяти лет не было?

Брайн наклоняется ещё ниже. Его губы почти касаются моих.

— Я уже потерял тебя однажды, Летти. Второй раз не потеряю. Даже если для этого придётся сразиться со всеми драконами Элларии.

Кручу головой. И нахожу в себе достаточно сил, чтобы оттолкнуть его:

— Отпусти меня, — шепчу я. — Слишком поздно. У меня есть другой. И я люблю его. Он настоящий мужчина, который никогда не предаст.

Ложь легко соскальзывает с моих губ. Лицо Брайна мгновенно становится каменным. Челюсть сжимается так, что я слышу, как скрипят зубы. Он не дышит несколько секунд. А пальцы сильнее тянут мои волосы.

— Лжешь!

— Неужели ты думаешь, что я все эти десять лет ждала тебя? Хранила тебе верность? — из губ вырывается короткий смешок.

Жаль не могу увидеть выражения его глаз. Но кажется, я сумела его ранить.

Возможно все это глупо. Но мне хочется, чтобы он испытал хотя бы частичку той боли, что и я когда-то.

28

Мы почти не разговариваем с самого утра.

Завтракаем сухими лепёшками и сыром в тяжёлой тишине. Брайн с Дериком приносят от хозяев по кружке горячего отвара. Брайн молча протягивает одну мне. Наши пальцы на мгновение соприкасаются — и кружка опасно вздрагивает в моей руке. Брайн успевает подхватить её за дно. Горячая жидкость выплёскивается прямо ему на запястье.

Кожа мгновенно краснеет.

Я невольно шиплю сквозь зубы, представляя, как ему больно. Внутри просыпается привычный порыв — протянуть руку, поделиться даром, унять жжение. Но я сдерживаюсь. Сжимаю пальцы на кружке так, что костяшки белеют.

По Брайну ничего не видно. Лицо — как каменная маска. Ни единой эмоции.

— Осторожно, — бросает он коротко. — Не обожгись.

Я забираю кружку и отхожу в сторону. Он — в другую. Дерик переводит взгляд с меня на него и хмурит брови.

— Мам... всё хорошо?

Лучше некуда. Твой отец теперь знает, что у него есть сын. И он явно не собирается тебя отпускать.

Я только дёргаю плечом.

— Хорошо. Не беспокойся.

Дую на отвар. Он пахнет мятой и чем-то сладковатым. Горячий. Почти обжигающий. Как и всё между нами сейчас.

Мы прощаемся с хозяевами, седлаем лошадей и трогаемся дальше. Дерик с Брайном едут впереди, я — чуть позади. В голове снова и снова прокручивается вчерашний разговор. Лицо Брайна в тот момент, когда я сказала про «другого мужчину». Жёсткое. Тёмное. Словно он был готов разнести весь сарай.

Он тогда резко поднялся и ушёл на улицу. Я слышала только удаляющиеся шаги. До самого утра он так и не вернулся. Не знаю, спал ли вообще.

Дерик пытается разрядить тишину. Болтает без умолку: то про лошадей, то про драконов, то спрашивает Брайна про замок. Но мы с Брайном отвечаем односложно. Мальчик быстро чувствует настроение и затихает. Только иногда бросает на нас настороженные взгляды.

К ночи мы добираемся до небольшого селения. Здесь нам везёт больше — хозяева пускают в дом и даже уступают место у очага. Брайн остаётся спать с лошадьми в сарае.

Когда Дерик уже почти засыпает, он вдруг шепчет, прижимаясь ко мне:

— Мама... вы поругались?

Я вздрагиваю.

— С чего ты взял?

— Ты думаешь, я маленький? — пыхтит он обиженно. — Я всё вижу.

Я вздыхаю, глядя в потолок.

— Дерик... иногда людям просто не о чем больше разговаривать. Всё, что нужно было выяснить — выяснили. А будущего... будущего нет. Вот и обсуждать нечего.

— А мне нравится Брайн. Я хотел бы иметь такого отца.

Сердце сжимается так сильно, что становится трудно дышать.

— Спи, — только и могу выдавить я.

На следующий день мы снова в пути. До «Сердца Дракона» остался один день и одна ночь.

Брайн молча заботится. Незаметно, но постоянно. То поправит подпругу на моей лошади, пока я отвлеклась. То подвинет мне лучший кусок вяленого мяса во время короткого привала.

То, когда я начинаю клевать носом в седле от усталости, тихо берёт поводья моей лошади и ведёт её сам, чтобы я могла хоть немного отдохнуть.

Между нами висит такое напряжение, что кажется — воздух вот-вот заискрит. Мы как два мельничных жернова, которые медленно, но неумолимо трутся друг о друга. А между нами — Дерик. Мальчик, которого мы оба не можем и не хотим делить.

С обеда начинает капать дождь. К вечеру он переходит в настоящий ливень. Мы промокаем до нитки. Одежда тяжёлая, холодная, прилипает к телу. Плечо ноет, зубы стучат.

Когда в сумерках находим одинокую избу на краю крошечной деревушки, я уже почти не чувствую пальцев. Долго стучим. Никто не открывает.

И только когда я уже готова развернуться, дверь скрипит, и на пороге появляется сухонькая старушка.

Она долго смотрит на нас, словно решает что-то про себя, а потом тяжело вздыхает и отступает в сторону.

— Заходите...

Внутри жарко топится очаг. Меня всю трясёт от холода и усталости.

Изба маленькая — всего две крохотные комнатки. Старушка кивает на дальнюю, за занавеской:

— Мальца я у себя положу. Там теплее будет. А вы ложитесь. Уж как-нибудь поместитесь вдвоем.

Вдвоем?!

Я вспыхиваю и ищу причины возразить. Но в комнате старушки печка и там так тепло уютно. И лишать этого тепла Дерику я просто не имею права.

А у него глаза совсем сонные. Быстро скидывает сырую одежду и исчезает за занавеской. Старушка лишь хитро оглядывается и плотнее задергивает полотно, оставляя нас одних.

Я развешиваю одежду Дерику сушиться на веревку. Потом поворачиваюсь к Брайну спиной и начинаю раздеваться сама. Слышу позади его дыхание и шорох снимаемой одежды.

Комнатка тесная. Мы с Брайном постоянно сталкиваемся локтями.

Я стараюсь не смотреть. Но взгляд всё равно срывается. Задерживается на широких плечах. На груди — мощной, покрытой старыми шрамами. Пламя очага золотит его кожу, подсвечивая каждый мускул на поджаром теле. И это незаметно уносит меня в прошлое. Когда я имела право касаться его, вдыхать аромат кожи и чувствовать, как он становится нежным в моих объятьях.

Я так остро это вспоминаю, что его присутствие становится невыносимым. Я уже жалею, что согласилась разделить с ним комнату.

В очередной раз я поворачиваюсь слишком резко — и Брайн ловит меня за плечи, разворачивая к себе лицом. Его ладони горячие, жгут кожу. Он наклоняется и утыкается носом в мои влажные волосы.

— Летти... — шепчет он хрипло, почти отчаянно. — Не убегай от меня. Пожалуйста.

Я замираю. Сердце колотится так громко, что, кажется, он тоже слышит.

Но я стою неподвижно, чувствуя, как его пальцы медленно скользят вверх по моим плечам, оставляя горячие следы на холодной коже.

Он ждёт. Словно даёт мне время отступить.

А я всё медлю. Мне слишком хорошо сейчас. В его объятьях.

И тогда Брайн делает полшага вперёд, прижимая меня спиной к стене. Его тело — сплошное тепло против моего озноба.

А потом он целует меня.

29

А потом он целует меня.

Жадно, требовательно, с той самой яростью и отчаянием, которые копились в нём все эти дни. Его губы обжигают, пальцы впиваются в мокрые пряди моих волос, притягивая ближе. В этом поцелуе и злость, и боль, и голод. Все то, что никуда не делось за десять лет. И теперь рвется наружу ураганом, сметая нас обоих.

Я должна была оттолкнуть его. Должна была сказать «нет». Но вместо этого мои руки сами поднимаются и вцепляются в его плечи. На одно короткое, предательское мгновение я отвечаю — так же отчаянно и так же зло.

Брайн издаёт низкий, горловой звук и прижимает меня ещё сильнее.

В какой-то момент я нахожу в себе силы оторваться. Отталкиваю его ладонями в грудь, тяжело дыша.

— Не смей... — шепчу я дрожащим голосом. Губы горят. — Не смей меня целовать, Брайн Эдхерт.

Он не отпускает меня сразу. Прижимает лоб к моему, обдавая неровным и горячим дыханием.

— Ты всё ещё моя, Летти, — хрипло говорит он. — Хотя ты и пытаешься это забыть. Но твое тело говорит за тебя. Твой запах. Я чувствую твое желание...

- Замолчи!

Губы всё ещё горят. Я ненавижу себя за то, что ответила на поцелуй. Ненавижу его за то, что он это почувствовал.

Брайн тяжело выдыхает и отступает назад, давая мне пространство.

— Ложись, — говорит он тихо, почти устало. — Я не притронусь к тебе. Я никогда не брал женщин силой. И тебя не возьму.

Он отходит к стене и садится на пол, прислонившись спиной к бревнам. Закрывает глаза. Всё его тело напряжено, но он не делает больше ни одного движения в мою сторону.

Я стою ещё несколько секунд, потом молча ложусь на узкую лавку, завернувшись в одеяло. Между нами — всего полшага, но кажется, пропасть.

Засыпаю я тяжело. Сон приходит рваный, беспокойный.

Когда я просыпаюсь среди ночи, то обнаруживаю, что лежу прижатая к нему. Моя голова покоится у него на груди, рука обнимает его за талию. Его сердце бьётся ровно и сильно под моей

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.